

"Технологический
детерминизм"
и общественный
прогресс

Трофимов В.П.

Издательство
"Мысль"

В. П. Трофимов

«ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ» И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Издательство «Мысль»
Москва 1972

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВПСШ и АОН при ЦК КПСС**

Введение

В современной идеологической борьбе значительное место в стане убежденных противников марксизма-ленинизма и его философии занимает французский представитель западной философии и социологии Раймон Арон. Им написаны несколько десятков книг, большое количество статей по самым различным проблемам философии, истории, социологии, идеологии.

К числу наиболее известных работ Р. Арона относятся: «Введение в философию истории» (1938)¹, «Современная немецкая социология» (1948)², «Опиум интеллигенции» (1955)³, «Война и мир между нациями» (1962)⁴, «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1963)⁵, «Борьба классов» (1964)⁶, «Демократия и тоталитаризм» (1965)⁷, «Три очерка об индустриальном веке» (1966)⁸, «Этапы социологической мысли» (1967)⁹, «Разочарование в прогрессе» (1969)¹⁰.

Теоретическая деятельность Р. Арона началась в 30-х годах в Германии, где он работал в качестве ассистента в университетах Кёльна и Берлина (1930—1933). После возвращения во Францию Р. Арон преподавал в различных учебных заведениях. Во время второй мировой войны он находился в эмиграции и занимался пропагандистской и издательской деятельностью в движении «Свободная Франция» в Лондоне (1940—1944). В послевоенные годы

¹ R. Aron. Introduction à la philosophie de l'histoire. Paris, 1938.

² R. Aron. Sociologie allemande contemporaine. Paris, 1948.

³ R. Aron. L'Opium des intellectuels. [Paris], 1955.

⁴ R. Aron. Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1962.

⁵ R. Aron. Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris, 1963.

⁶ R. Aron. La Lutte des classes. Paris, 1964.

⁷ R. Aron. Démocratie et totalitarisme. Paris, 1965.

⁸ R. Aron. Trois essais sur l'âge industriel. Paris, 1966.

⁹ R. Aron. Les Etapes de la pensée sociologique. Paris, 1967.

¹⁰ R. Aron. Les désillusions du progrès. Essai sur la dialectique de la modernité. Paris, 1969.

Р. Арон — один из главных редакторов и политический обозреватель правой газеты «Фигаро» (с 1947 г.), руководитель кафедры социологии в Сорбонне (с 1956 г.), член Академии моральных и политических наук (с 1963 г.).

В одной из первых больших работ Р. Арона — «Введение в философию истории» сделана попытка пересмотра и дальнейшего развития идеалистических концепций истории.

Эволюция философско-социологических идей и концепций Р. Арона отражает особенности развития философской буржуазной мысли во Франции, стремившейся в интересах борьбы с прогрессивными идеями, и в первую очередь с идеями марксизма, активно импортировать идеалистические, реакционные элементы различных зарубежных философских течений¹.

Конкретно эта тенденция проявляется в том, что в начальный период теоретической деятельности Р. Арон в своих философско-исторических взглядах находился на позициях, очень близко примыкавших к воззрениям таких представителей немецкой социологии конца XIX — начала XX в., как В. Виндельбанд, Г. Риккерт (баденская школа неокантианства) с присущими им крайностями идеографического метода объяснения истории. Отрицание закономерностей общественного развития, априоризм, релятивизм, граничащий с иррационализмом, — таковы исходные пункты теоретических построений Р. Арона, содержащиеся в его первых работах.

В то же время в трудах Р. Арона находит свое выражение тенденция постепенного отхода от принципов крайнего релятивизма. Это проявляется, в частности, в том внимании, которое уделяет Р. Арон социологии М. Вебера, развивавшего теорию «идеальных типов» в историческом исследовании. Эта последняя, хотя и допускала известное обобщение исторических явлений, фактов, но тем не менее оказалась бессильной разрешить такие «проклятые» проблемы буржуазного обществоведения, и в частности неокантианства, как соотношение материального и духовного, логического и исторического, единичного и общего, закономерного и случайного и т. д.

Следует отметить, что релятивизм так никогда и не

¹ См. Л. Сзв. Современная французская философия. Исторический очерк: от 1789 г. до наших дней. М., 1968, стр. 277—280.

был преодолен Р. Ароном и по-прежнему остается основополагающим принципом его социальной теории.

В более поздних работах (в середине 50-х годов), особенно в тех, которые касаются теории «индустриального общества», Р. Арон активно заимствует различные идеи американской эмпирической социологии, впитавшей в себя характерные черты неопозитивизма, прагматизма, социального психологизма.

В тематическом плане эволюция философско-социологических идей Р. Арона проявляется в том, что он переносит акцент с проблем теоретико-познавательного характера (хотя им уделяется значительное место во всех последующих работах) на вопросы политической социологии, касающиеся социальной структуры общества, роли и места в общественном развитии экономики, политики, идеологии, различных политических и социальных институтов, международных отношений. Проблемы движущих сил общественного развития решаются на идеалистической основе, отрицается сама идея социального прогресса и возможность сколь-нибудь достоверного вывода о будущем человечества.

Необходимо отметить, что Р. Арон стремится широко использовать традиции французской буржуазной философии и социологии. Особенно часто он ссылается на отдельные идеи и теоретические положения таких различных по своей общественно-политической направленности и философской значимости теорий, какими являются социальные теории Ш. Л. Монтескье, К. А. де Сен-Симона, О. Конта, А. Токвиля.

В социальной теории Р. Арона, и в этом он не является оригинальным, используются также некоторые положения марксизма, особенно те, которые касаются роли науки и техники, производства в историческом развитии. Разумеется, содержание этих положений искажается и приспособляется к идеалистическому объяснению социальных процессов.

В целом эволюция теоретических взглядов Р. Арона отчетливо показывает стремление преодолеть как метафизическую умозрительность, априоризм различных идеалистических философско-исторических построений, так и теоретическую ограниченность эмпирической буржуазной социологии.

Но эти намерения не реализуются в социальной теории Р. Арона, так как, тщетно пытаясь найти некую

альтернативу историческому материализму, он по-прежнему остается в рамках буржуазных социологических воззрений, отрицает закономерный характер истории и определяющую роль способа производства в общественном развитии.

Его теория «индустриального общества» в общественно-политическом плане служит насаждению различных политико-экономических иллюзий, призванных «интегрировать» современное буржуазное общество в интересах крупного капитала.

Необходимость в подобного рода иллюзиях, используемых для идеологической обработки широких трудящихся масс, обусловлена тем, что «в условиях противостояния с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение»¹.

Центральным пунктом теории «индустриального общества» как определенной системы иллюзорного отражения социальной действительности является концепция «технологического детерминизма». Эта концепция лежит в основе целого направления современной буржуазной социологии, так называемого индустриализма, представленного, например, такими теориями, как теория «стадий роста» У. Ростоу, «индустриального общества» Р. Арона, Ж. Фурастье, «общества управляющих» Д. Бернхейма, «интегрального общества» У. Бакингема и, наконец, «постиндустриального общества» Д. Белла, Дж. Гэлбрейта.

Наиболее общее содержание концепции «технологического детерминизма» заключено в идее, разделяемой фактически всеми представителями этого направления, согласно которой развитие индустрии, основанной на науке, стирает якобы коренную противоположность между различными социально-экономическими системами, какими являются социализм и капитализм, и позволяет разрешить все антагонизмы современного капитализма, неправоммерно возведенные в ранг общечеловеческих, в обход коренных революционных социальных преобразований.

Методологический порок «технологического детерминизма» Р. Арона заключается в метафизическом разрыве двух взаимопроникающих процессов, какими являются

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 15.

социальная революция, охватившая все общественные отношения современного мира, и научно-техническая революция, означающая все более и более глубокое освоение природных сил.

В действительности реальное соотношение этих двух процессов характеризуется диалектическим взаимодействием, один из аспектов которого наглядно проявляется в диаметрально противоположных последствиях научно-технической революции для различных общественно-экономических формаций. В условиях капитализма эти последствия означают дальнейшее обострение всех противоречий, тогда как социализм использует достижения науки и техники для всестороннего развития общества. Противопоставление же научно-технической революции социальной служит отрицанию подлинной сущности современной эпохи, являющейся переходом от капитализма к социализму, представляющему качественно новую, высшую по отношению к капитализму ступень общественного прогресса.

В целом концепцию «технологического детерминизма» Р. Арона можно охарактеризовать как одно из проявлений пессимистических, антипрогрессивистских тенденций в современной буржуазной социологии.

«Технологический детерминизм» и «диалектика» пессимизма

Р. Арон облекает отрицание общественного прогресса (а это является одной из главных задач его политической социологии) в форму «диалектики пессимизма», которую он явно пытается противопоставить подлинной диалектике общественного прогресса, открытой марксизмом. Сущность «диалектики пессимизма», который Р. Арон считает одним из важнейших признаков сознания XX в., заключается в том, что якобы развитие науки и техники порождает, с одной стороны, определенные идеалы, которые и воплощаются в понятии прогресса, но с другой — делает принципиально невозможным их осуществление. Эти противоречивые тенденции, заключенные в становлении «технической цивилизации», вызывают будто бы разочарование в прогрессе и массовый пессимизм.

Как нетрудно заметить, ведущей стороной «диалектики» Р. Арона является развитие науки и техники. Поэтому прежде всего рассмотрим более подробно содержание «технологического детерминизма» и его основного понятия — понятия техники.

Следует отметить, что обращение буржуазного социолога к технике не является случайным. Оно в мистифицированной форме отражает реальный процесс возрастания роли техники, являющейся важнейшей составной частью производительных сил. В наш век «коперникианских» переворотов в технике и науке, оказывающих огромное влияние на все стороны общественной жизни, уже невозможно игнорирование производства в общественном процессе, что еще не так давно являлось если не всеобщим, то во всяком случае широко распространенным среди буржуазных философов.

Но в то же время для буржуазной социологии неприемлемо признание действительной роли и значения техники, ибо это означало бы признание материалистического понимания истории и отказ от спекулятивных принципов объяснения истории. Поэтому буржуазная социология пытается объяснить процессы, связанные с научно-технической революцией, исходя из тех или иных традиционных принципов различных антимарксистских теорий. Так, например, Р. Арон отрицает закономерный характер истории и определяющую роль способа производства материальной жизни в общественном развитии.

Вполне понятно, что это не позволяет теоретически воспроизвести многогранную, закономерную связь техники с различными элементами социальной структуры во всей ее целостности, следствием чего является абсолютизация отдельных моментов общественной связи, что, в частности, находит свое выражение в односторонней оценке роли техники. Так, наиболее последовательные сторонники «технологического детерминизма» утверждают, что якобы социальные системы представляют собой лишь «функции технической системы»¹.

¹ Эта концепция четко выражена американским социологом Л. Уайтом: «Социальные системы по своей действительной сущности — явления второго порядка и зависят от технических систем». Они лишь «функции технической системы...» (*L. White. The Science of Culture. New York, 1949, p. 365. Цит. по: Ф. Кутта. Человек. Труд. Техника. М., 1970, стр. 32*).

Сведение сложного взаимодействия между технической и социальной сторонами к функциональной зависимости можно дополнить

Такая односторонняя точка зрения уже с достаточной основательностью была подвергнута критике со стороны марксизма. Поэтому Р. Арон, разделяя основную идею «технологического детерминизма», в то же самое время старается смягчить ее категорические, откровенно ложные выводы. Техника, по его мнению, воздействует на общество, но она в свою очередь также испытывает определенное влияние со стороны последнего. Итак, отношения между технической и социальными сторонами рассматриваются Р. Ароном не как одностороннее воздействие техники на общество, а как их взаимодействие.

Использование принципа взаимодействия является давней традицией буржуазной социологии. В частности, этот принцип нашел широкое применение в теории факторов, которая, отрицая единую основу общества, признает равноправное взаимодействие различных факторов (экономика, политика, религия, техника и т. д.). С точки зрения многофакторного подхода к социальному целому невозможно выявить какие-то ведущие стороны, а речь должна идти главным образом о выявлении различных связей, отношений между общественными сторонами, сферами, явлениями.

Подобный подход характерен по существу дела и для социальной теории Р. Арона, хотя он (этот подход) вступает в известное противоречие с принципом «технологического детерминизма», в основе которого лежит, как мы видели, признание в той или иной степени определяющей роли техники.

Это противоречие проявляется в том, что, с одной стороны, Р. Арон утверждает невозможность выделить в историческом развитии что-то более «значимое», нежели другое. Поэтому все элементы общественного развития, как утверждает он, имеют одинаковое значение (люди, техника, экономика, сознание и т. д.) и выделять их по степени значимости якобы можно только с определенной ценностной позиции, на которой находится тот или иной исследователь¹. С научной точки зрения, по мнению

интерпретациями, которые в основу соотношения кладут принцип причинности. Так, например, Ж. Фурастье полагает, что «социальный прогресс является не причиной, а следствием экономического прогресса», который в свою очередь является следствием технического прогресса (J. Fourastié. *Le grand espoir du XXe siècle*. Paris, 1963, p. 324).

¹ R. Aron. *Démocratie et totalitarisme*, p. 32.

Р. Арона, неправомерно давать «привилегии» какому-либо элементу общественной структуры.

Но с другой стороны, Р. Арон связывает качественное отличие индустриального общества от традиционного, прединдустриального именно с беспрецедентным в прошлом развитием техники, науки и утверждает, что никакое явление, характеризующее современность, невозможно без расцвета науки и техники¹.

Более того, все рассуждения Р. Арона о современности, о судьбах человечества, о пессимизме, овладевшем сознанием XX в., проникнуты мыслью о возрастающей роли техники.

Эти противоречивые заявления Р. Арона наглядно демонстрируют несостоятельность и эклектичность его теоретических концепций. Безуспешно стремясь определить сущность современной эпохи, которая неправомерно связывается только с процессами научно-технической революции, Р. Арон неминуемо встает перед необходимостью вскрыть источник общественного взаимодействия. Только определение источника конкретно-исторического общественного взаимодействия дает возможность выявить возникновение, развитие и смену различных качественных этапов, каковыми являются общественно-экономические формации в развитии человеческого общества. Иначе говоря, качественные границы того или иного этапа человеческой истории определяются через его развитие, подчиненное определенным законам. Но, отрицая решающую роль способа производства материальной жизни в общественном развитии, Р. Арон отрицает действительный источник общественного взаимодействия, его закономерную необходимость.

Рассмотрим подробнее взаимодействие, лежащее в основе «индустриальной цивилизации». В общем и целом это взаимодействие, как мы видели, носит характер взаимной причинности: техника воздействует на общество и общество — на технику. Исходя из утверждения в духе теории факторов о «равноправном» взаимодействии различных элементов, Р. Арон фактически снимает принципиально важный вопрос об источнике этого взаимодействия, а его рассуждения о возобладающем влиянии техники носят скорее декларативный характер.

¹R. Aron. Trois essais sur l'âge industriel, p. 134.

Подобное взаимодействие В. И. Ленин назвал пустотой. Разъясняя свою точку зрения, он цитировал Гегеля, который, рассматривая взаимодействие нравов спартанского народа и его общественного строя, писал, что понять это взаимодействие «можно будет только тогда, если мы постигнем, что обе стороны отношения, как и все прочие особые стороны... *вытекали* (подчеркнуто мной. — В. Т.) из того понятия, которое лежало в основе их всех»¹. Таким образом, для понимания взаимодействия необходимо вскрыть его основание, т. е. необходимо идти от взаимодействующих сторон к тому, что обуславливает это взаимодействие. Поверхностный подход к общественному взаимодействию был подвергнут критике Г. В. Плехановым, который писал, что для понимания взаимодействия необходимо выяснить его источник².

Материалистически перечитывая Гегеля, В. И. Ленин отмечает, что взаимодействие отдельных сторон общественного развития может быть понято с точки зрения целого, различные моменты которого они (эти отдельные стороны) и представляют³.

Таким целым, источником общественного развития является материальное производство. Общественное производство порождает все многообразие связей, моментов, сторон, отношений социальной жизни. Диалектика производительных сил и производственных отношений определяет собой общие объективные закономерности последовательной смены одного способа производства другим в направлении общественного прогресса.

Необходимо отметить, что хотя Р. Арон, используя идею «технологического детерминизма», признает возрастающее влияние техники на все стороны общественного развития, но тем не менее, опираясь на «многофакторный» подход к социальным явлениям, он отрицает материальную основу общественного взаимодействия, которая есть не что иное, как производство материальной жизни.

Противоречие теории «индустриального общества» Р. Арона — это противоречие, проистекающее из попыток согласовать утверждение о возрастающем влиянии техни-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 146—147.

² См. Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938, стр. 12—13.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 147.

ки, в известном смысле являющейся «железной рубашкой производства», с идеалистическим воззрением на историю, отрицающим решающую, определяющую роль производства и ищущим основу общественного взаимодействия в духовном, сознательном начале.

Это противоречие Р. Арон стремится преодолеть, вкладывая в само понятие техники определенное содержание. Необходимо рассмотреть это содержание, ибо в противном случае многократные заявления относительно возрастающей роли техники могут создать извращенное представление о теории «индустриального общества» как о теории, постепенно приобретающей вид своеобразного деформированного материализма, а эволюция взглядов Р. Арона может быть ошибочно представлена как чуть ли не движение по направлению к материалистическому пониманию истории.

Разумеется, ничего подобного с теорией «индустриального общества» не происходит, напротив, весь ее «пафос» направлен на то, чтобы попытаться опровергнуть или хотя бы подвергнуть сомнению принцип материализма в социологии¹.

Понятие техники рассматривается Р. Аронем в двух основных аспектах. Во-первых, утверждает он, техника в узком смысле «совпадает с искусственно созданными объектами, инструментами и продуктами промышленной деятельности, направляемой наукой». Во-вторых, «согласно... широкому смыслу техника означает не столько материальные объекты, сколько процесс технизации». В этом смысле понятие техники, продолжает Р. Арон, тождественно понятию технической, рациональной деятельности вообще, осуществляемой неважно в какой области: военной или мирной, психологической или материальной, направленной на производство благ или убеждений. Качеством, отличающим техническую деятельность от всех прочих, полагает Р. Арон, является «рациональный подход к выявлению средств для достижения определенной цели»².

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1. Paris, 1956, p. 31.

В настоящей работе ссылки сделаны на курс лекций, который был прочитан в Сорбонне в 1955—1957 гг. Эти лекции затем легли в основу книг, получивших название: «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1963), «Борьба классов» (1964).

² R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 9, 10.

В марксистской социологической литературе уделяется большое внимание вопросам, связанным с определением объема и содержания понятия техники, ее места и роли в общественном развитии в век научно-технической революции¹. Сложность и многогранность понятия техники породили в нашей социологической литературе различные точки зрения на объем этого понятия², что не мешает, однако, определить то общее, что их объединяет. Во всех случаях техника, взятая как таковая, рассматривается в качестве материального искусственного образования (является ли она «совокупностью средств труда» или «системой искусственных органов деятельности общественного человека»), которое вовсе не отождествляется с идеальными моментами трудовой деятельности.

Конечно, в техническом творчестве, как, впрочем, и в любых других аспектах человеческой деятельности, с необходимостью присутствует сознание, проделавшее по мере развития человеческого общества гигантский путь от «осознания» инстинкта до научного, рационального отношения к природе и обществу. В технических изобре-

¹ См. Ю. С. Мелешенко, С. В. Шухардин. Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969; Н. Н. Стоскова. Ф. Энгельс о роли техники в развитии общества. М., 1970; Г. Л. Епископосов. Техника и социология. М., 1967; «Современная научно-техническая революция. Историческое исследование». М., 1970; Н. В. Марков. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., 1971; Г. С. Гудожник. Научно-технический прогресс: сущность, основные тенденции. М., 1970; А. А. Зворыкин. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М., 1967; Ф. Кутта. Человек. Труд. Техника. М., 1970; Г. Н. Волков. Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности. М., 1968.

² Так, например, А. А. Зворыкин полагает, что техника есть совокупность средств труда в системе общественного производства (см. А. А. Зворыкин. О некоторых вопросах истории техники. — «Вопросы философии», 1953, № 6, стр. 34); Г. Н. Волков считает, что это определение не охватывает всего объема понятия техники, ибо, с одной стороны, к средствам труда можно отнести рабочий скот, органы человеческого тела, а с другой — производство не охватывает такие виды техники, как военная, связи, бытовая и т. д. Поэтому предлагается другое определение техники, в соответствии с которым техника — это «система искусственных органов деятельности общественного человека, его власти над природой, образуемая и развивающаяся посредством исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний, посредством познания и производственного использования сил и закономерностей природы» (Г. Н. Волков. Социология науки, стр. 30). Наряду с этими определениями существуют и другие точки зрения на объем понятия техники.

тениях все более полно проявляются неограниченные возможности человеческого разума. Особенно возросла роль научно-теоретического мышления в развитии техники и производства в наше время. Это нашло свое выражение в том изменении, которое произошло во взаимоотношениях между наукой и техникой. Если в XIX в. решающая роль в этом взаимодействии принадлежала технике, то сейчас наука во все большей степени определяет развитие техники и сама становится производительной силой общества.

Однако общим истоком как техники, так и сознания во всех его формах является труд, материальное производство. Именно труд охватывает универсальную человеческую деятельность в совокупности всех ее сторон. Поэтому техника, рассмотренная с точки зрения производства, т. е. как важнейшая составная часть производительных сил, которая в предметной форме отражает качественное и количественное состояние этих последних, позволяет представить взаимодействие между техникой и обществом во всем богатстве связей как непосредственных, так и опосредствованных.

Концепция же «технологического детерминизма» Р. Арона рассматривает технику только как воплощение рациональной деятельности и неправомерно сужает человеческую деятельность, ограничивая ее лишь одной стороной — духовной, рациональной, тем самым мифицируя и саму роль техники, и ее влияние на общественное развитие. Подобная точка зрения, исподволь проводимая Р. Ароном во всех его рассуждениях о «технической цивилизации», вскрывает существо теории «индустриального общества», которая пытается истолковать очевидный факт возрастающего воздействия науки и техники на все стороны общественного развития в русле традиционных идеалистических воззрений.

Техника же, рассмотренная как составная часть производительных сил (конечно, это ни в коей мере не отрицает наличия специфических законов развития техники как качественно особенного явления) в совокупности с производственными отношениями, т. е. отношениями, складывающимися между людьми в процессе производства, позволяет выявить подлинную диалектику общественного прогресса, которая, как известно, заключается в том, что производительные силы по мере своего развития приходят в непримиримое противоречие с про-

изводственными отношениями, ставшими тормозом их дальнейшего развития. Однако на страже этих устаревших производственных отношений стоит господствующий класс, опирающийся на свою политическую власть. Вот почему изменение общественного способа производства, заключающего в себе новые производственные отношения, соответствующие данному уровню производительных сил, возможно лишь через социальную революцию. Таким образом, диалектика производительных сил и производственных отношений, ведущая к социальной революции,— это вскрытый марксизмом закон развития всех обществ, основанных на эксплуатации.

В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин продолжил анализ противоречий капитализма и сделал всесторонне обоснованный вывод об их дальнейшем обострении. Современное положение дел подтверждает марксистско-ленинский анализ капиталистического способа производства. Международное Собрание коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969) отмечало, что в условиях научно-технической революции «не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые»¹.

Отрывая научно-технический прогресс от социального, перенося основу общественного взаимодействия преимущественно в сферу духовной деятельности, Р. Арон тем самым отрицает прежде всего объективные антагонистические противоречия современного капитализма.

Подлинной диалектике общественного прогресса противопоставляется «диалектика» особого рода, которая и составляет существенное содержание «технологического детерминизма» Р. Арона.

Вообще говоря, примечателен сам факт обращения буржуазного социолога к диалектике. Он обусловлен тем, что социальные процессы нашего динамичного века с особой полнотой подтверждают силу и жизненность материалистической диалектики. Только с ее позиций становится возможным глубокое познание основных антагонистических и неантагонистических противоречий, лежащих в основе общественного прогресса.

Практика подтвердила фундаментальные прогнозы марксистско-ленинской науки, основанной на методе

¹ «Международное Собрание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1969, стр. 18.

марксистской диалектики, который улавливает ход развития истории, ее спонтанные антагонизмы, пути их разрешения при переходе человечества от капитализма к социалистически организованному обществу.

Эти факты не могли ускользнуть из поля зрения буржуазной социологической теории, ибо наиболее ее крупные поражения как раз связаны с ее неспособностью проникнуть в суть исторических процессов, раскрыть их внутренние законы, тенденции их развития.

Отрыв принципа историзма от структурно-функционального анализа, абсолютизация последнего привели к торжеству статического принципа в буржуазной социологии, и это в то время, когда весь мир пришел в движение, все полнее обнаруживая диалектику вещей и требуя соответствующего диалектического метода анализа и познания действительности.

Казалось бы, буржуазная социология должна была бы обратиться к диалектическому методу мышления. Но диалектика по природе своей революционна и несовместима с классовыми интересами и идеологией современной империалистической буржуазии. Поэтому буржуазные теоретики прибегают к эрзац-диалектике, выхватывают отдельные элементы диалектики, перерабатывают их, с тем чтобы они стали совместимыми с исходными принципами и направленностью социологической мысли современной буржуазии.

По пути создания мистифицированной диалектики пошел и Р. Арон. Знаменательно, что одну из своих последних книг «Разочарование в прогрессе» Р. Арон снабдил подзаголовком: «Очерк диалектики современности».

Разочарование в прогрессе, пессимизм, как уже сказано выше, — вот в чем видит Р. Арон главное содержание «диалектического» развития современного мира. Конкретно эта пессимистическая диалектика проявляется в следующем.

Развитие науки и техники, утверждает Р. Арон, повлекло за собой переход от традиционного, прединдустриального общества к обществу научному, индустриальному. Этот качественный переход от одного «социального типа» к другому представляет собой «историческую социальную революцию»¹ и с самого начала выявляет определенные тенденции: постепенное выравнивание доходов

¹ R. Aron. *Trois essais sur l'âge industriel*, p. 22—24;

различных социальных слоев, рост возможностей образования для все более широких слоев населения, развитие средств коммуникаций, сближающих различные народы планеты и т. д.

Эти эгалитаристские, нивелирующие, сближающие тенденции, продолжает Р. Арон, были замечены социологами еще на заре развития «индустриальной цивилизации», что сыграло решающую роль в появлении различных теорий социального прогресса, в основе которых лежало утверждение о какой-либо общей цели, которую со временем должно было достичь человеческое общество. Таковой, например, являлась социальная теория О. Конта, представлявшего будущее как всеобщую рациональность, способствующую все большему освоению природной среды. А. Токвиль, по мнению Арона, исходил из другой стороны эволюции и рассматривал прогресс как движение ко все большей демократизации общественной жизни.

И наконец, марксистское понимание прогресса (марксизм рассматривается Р. Ароном в качестве одного из направлений в социологии на раннем этапе ее развития) исходит из утверждения, что человеческое общество в результате поступательного, восходящего развития достигнет такой ступени, которая будет в равной степени означать как покорение стихийных сил природы, так и овладение социальными процессами.

Но дальнейшее становление «индустриальной цивилизации», утверждает Р. Арон, показало несостоятельность марксистской формулы общественного прогресса. «Прометеевское честолюбие», проявляющееся в желании овладеть социальными процессами так же, как и природными, наталкивается на непреодолимую преграду, сущность которой заключается в том, что сама история характеризуется будто бы неповторимостью и непредвиденностью, т. е. иррациональна. Эти черты исторического развития и определяют якобы невозможность познания закономерностей общественного развития, социального предвидения и вообще всякой целенаправленной общественной деятельности в области социального преобразования.

Таким образом, научно-технический прогресс, порождая иллюзии, в то же время не приводит к их реализации. Это вызывает пессимизм и разочарование в прогрессе, выражающееся в социальных конфликтах и потрясениях.

Нельзя не заметить, что через соотношение рационального и иррационального в общественном развитии (это соотношение является одним из ключевых пунктов социальной теории Р. Арона) отчетливо проявляются наиболее общие черты той эволюции во взглядах на общество, которую претерпело буржуазное обществоведение. Так, идеологи восходящей буржуазии, например представители французского просвещения XVIII в. А. Р. Тюрго (1727—1781)¹, Ж. А. Кондорсэ (1743—1794)², с необоснованным оптимизмом полагали, что развитие науки и техники само по себе приведет общество к «царству разума», ко «всеобщему счастью». Эти идеи сопровождались утверждением, что сущностью человека является разум, на основании и в соответствии с которым возможно перестроить человеческое общество.

Характеризуя эту эпоху, Ф. Энгельс писал: «Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу»³.

Но дальнейшее развитие капитализма, и особенно его вступление в последнюю стадию — империализм, периодически повторяющиеся экономические потрясения, безработица, мировые войны, всесторонняя деградация личности, массовое разрушение материальных и духовных ценностей, наконец фашизм, воплотивший человеконенавистничество в ранг государственной политики, — все это бесповоротно рассеяло иллюзии, связанные с рациональностью капитализма. Вот почему иррационализм в той или иной форме стал одной из характерных черт современной буржуазной социологии. Иррациональное в теории «индустриального общества» это тот предел, ко-

¹ См. А. Р. Тюрго. Избранные философские произведения. М., 1937.

² См. Ж. А. Кондорсэ. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16—17.

торый ограничивает как возможности познания законов общественного развития, так и возможности общественного переустройства. С иррационалистических позиций Р. Арон выступает, с одной стороны, против возможности познания действительных законов общественного развития и с другой — против необходимости революционного преобразования современного капиталистического общества.

Р. Арон, рассматривая диалектику общественного развития с точки зрения соотношения рационального и иррационального, утверждает, что в ее основе лежит противоречие, заключающееся будто бы в том, что, чем больше общество овладевает через посредство техники природной средой, тем меньше становится его власть «над собственной судьбой»¹.

Это противоречие, лежащее в самом понятии прогресса, представляется Р. Арону в качестве «последней антиномии современного общества или исторического сознания данной цивилизации, антиномии, моментами которой являются три диалектики: диалектика равенства, диалектика социализации и диалектика универсализации»².

Рассмотрим содержание этих трех «диалектик».

«Диалектика равенства», по мнению Р. Арона, состоит в противоречии между эгалитаристским идеалом и иерархической структурой «индустриального общества». Под «идеалом равенства» понимается абсолютное тождество индивидов как в экономическом и политическом отношении, так и в их природных способностях.

Подобный подход, определяющий равенство как абсолютное тождество, естественно, предрешает утверждение о недостижимости равенства и тем самым смазывает действительный коренной вопрос о социальном равенстве, решение которого связано с уничтожением классов³.

Под иерархической структурой Арон явно понимает технологическую организацию крупного промышленного предприятия, распространенную на общество в целом, которая-де требует подчинения всех единой рациональности в интересах эффективности общественного труда⁴.

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 285.

² Там же.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 353.

⁴ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 14.

Это-то противоречие между эгалитаристскими идеалами и иерархической структурой, утверждает Р. Арон, и лежит в основании массовых социальных движений, возникших в конце 60-х годов во Франции и других развитых странах капитала.

С помощью «диалектики социализации» Р. Арон излагает свою концепцию формирования личности обществом и для общества¹. В основе социализации личности лежит факт ее принадлежности к семье, различным социальным группам. Научно-техническое развитие модифицировало отношения между различными элементарными системами (семья, школа, церковь, различные социальные группы) и породило новые стремления. Кроме стремления к равенству индивиду также присуще стремление к индивидуальности. Однако рост материального благосостояния, которое несет с собой технический прогресс, делающий возможным развитие личностных качеств, одновременно своим необходимым следствием имеет «подчинение всех безжалостному механизму производства и экономическому росту»², т. е. ограничивает стремление к индивидуальности. Противоречие между стремлением к индивидуальности и ограниченными возможностями его реализации и есть содержание «диалектики социализации».

И наконец, третьим моментом основного противоречия «индустриального общества» является «диалектика универсализации». Смысл этой «диалектики» состоит в следующем. Развитие научно-технического прогресса обеспечило человечеству такие транспортные и коммуникационные средства, которые сделали, как никогда, тесными взаимоотношения между различными странами и народами. Научно-технический прогресс породил также общее стремление к изобилию, могуществу, средством достижения которых является индустриализация. Но эта общая заинтересованность в техническом прогрессе приходит в противоречие с теми «тысячелетними обычаями», которыми руководствуются страны в своей международной деятельности. Эти обычаи, воплощенные в различных культурах, ценностных системах, идеологиях, определяют образ жизни современного человечества. Различие между научно-техническим уровнем и образом жизни человечества порождает противоречие, лежащее в основе «диалек-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 96.

² Там же, стр. 14.

тики универсализации». В рамках этой диалектики Р. Арон рассматривает проблемы межгосударственных отношений, мирного сосуществования, взаимоотношений различных ценностей и идеологии¹.

* * *

Разумеется, исчерпывающая оценка «диалектики» индустриального общества» требует рассмотрения этой теории, взятой в целом. Здесь же мы попытаемся рассмотреть «диалектику» Р. Арона с точки зрения главных вопросов, которые им ставятся перед политической социологией. Таковыми являются «вопросы о социальном неравенстве и о противостоящих группах в обществе»². Следовательно, речь пойдет о таких аспектах «диалектики» Р. Арона, которые непосредственно характеризуют его отношение к классовой сущности современного капиталистического государства, его социальной структуре и классовой борьбе, содержанию международных отношений на современном этапе.

Через призму этих проблем и рассматривает буржуазный социолог «диалектику» исторического развития индустриального общества.

«Технологический детерминизм» — основа ложной теории социальной стратификации

Будучи не в состоянии прямо отрицать объективное содержание нашей эпохи, заключающееся в переходе от капитализма к социализму, в неуклонном росте могущести мировой социалистической системы, в широких массовых движениях, возглавляемых рабочим классом, в невиданном размахе национально-освободительной борьбы, Р. Арон с позиций воинствующего антикоммунизма стремится исказить объективное содержание логики мирового революционного процесса. Так, напри-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 192.

² R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 2. Paris, 1957, p. 216—217.

мер, анализируя движущие силы и особенности современных массовых движений во Франции и других развитых капиталистических странах, он утверждает, что они характеризуются, во-первых, широким участием студенчества, которое является чуть ли не главной причиной социальных потрясений, переживаемых капитализмом, и, во-вторых, «консерватизмом в требованиях рабочих», которые якобы «не проявляют собственного революционного пыла»¹. Признание непреложного факта широких массовых движений позволяет Р. Арону создать определенную видимость «объективного» подхода к изучению социальной действительности. Но в то же время существо и смысл этих движений истолковываются в пользу уже порядком обветшалых теорий «затухания» классовой борьбы, краеугольным камнем которых является отрицание революционного потенциала рабочего класса.

Прикрываясь критикой вульгарно-материалистического взгляда на побудительные мотивы революционного действия, которое предстает как прямое и непосредственное следствие некоего «невроза о хлебе насущном», Р. Арон вообще отрицает материальную основу социальных потрясений в развитых капиталистических странах.

Причины «социального расстройства» Р. Арон усматривает в разочаровании, пессимизме, моральном смятении, которые, как уже сказано выше, проистекают якобы из несоответствия между идеалами, внушенными основными ценностями «современной цивилизации», и социальной реальностью. Вследствие этого общественные потрясения рассматриваются преимущественно как результат определенных духовных процессов в сознании человека «индустриального общества», в основе которых лежит «голод... более духовный, нежели материальный»².

Отрицая величайший переворот во взглядах на общество, совершенный марксизмом, и отводя марксизму место лишь одной из социологических интерпретаций XIX в., Р. Арон делает вывод о том, что вообще марксистское понимание классов современного капиталистического общества с его положением о непримиримости антагонистических отношений между ними неправомерно заимствовано из социальных взаимоотношений «традиционного общества», каковыми являлись отношения между феода-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. X.

² Там же, стр. VIII.

лами и буржуазией. Эти отношения были якобы перенесены марксизмом на «индустриальное общество». Подобные параллели, по мнению Р. Арона, не имеют никакого основания по той причине, что класс феодалов был закрытым классом и феодалом надо было родиться, а класс буржуазии — это открытый класс и буржуа надо стать¹.

В действительности при всех различиях классовой структуры антагонистических обществ в каждом из них вследствие монопольного владения господствующими классами средствами производства осуществляется присвоение труда непосредственных производителей. Вот эту существенную черту, присущую всем антагонистическим обществам, и пытается скрыть апологет «индустриального общества» Арон. Конечно, формы эксплуатации при феодализме, основными классами которого являлись феодалы и крестьяне, отличаются от форм эксплуатации при капитализме, основными классами которого являются капиталисты и рабочие. Если, например, феодальная система эксплуатации, в основе которой лежало исторически определенное распределение средств производства, предполагала личную зависимость непосредственного производителя, то при капитализме рабочий считается лично свободным. Уничтожение личной зависимости непосредственного производителя приводит к упразднению сословного деления общества. Именно сословное деление считает Р. Арон существенным признаком, различающим два класса — феодалов и капиталистов, первый из которых он называет «закрытым», а второй — «открытым». Это различие якобы и определяет существо классовых конфликтов как в одном, так и в другом обществе.

Определяя капиталистический класс как «открытый», Р. Арон повторяет уже истасканную буржуазной пропагандой идею, согласно которой каждый член капиталистического общества якобы может стать капиталистом.

Энгельс, подчеркивая главное, что характерно для всех эксплуататорских общественно-экономических формаций, писал: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации...»² Из этого следует, что раз-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 28.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 175.

личие между феодализмом и капитализмом коренится в различии форм порабощения трудящихся. По этой причине изменяются и формы классовой борьбы. Но капитализм вопреки утверждениям Р. Арона не уничтожает классовую борьбу, а, напротив, создает объективные и субъективные предпосылки для того, чтобы довести классовую борьбу до диктатуры пролетариата, т. е. до уничтожения всех форм порабощения¹.

Классовые противоречия в капиталистических странах вовсе не затухают по мере развития научно-технической революции, как в этом пытается убедить Р. Арон. В действительности научно-технический прогресс все в большей степени проявляет общественную необходимость, заключающуюся в уничтожении последнего эксплуататорского класса — класса капиталистов. Антагонистические противоречия современного капиталистического общества не примиряются, а разрешаются в результате революционной борьбы трудящихся, возглавляемых рабочим классом.

Вскрывая сущность классов в антагонистическом обществе, В. И. Ленин писал, что «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Итак, существование классов связано с исторически определенной системой общественного производства. На пути поступательного, восходящего развития человеческого общества капитализм является последней общественно-экономической формацией, связанной с существованием антагонистических классов. Революционное переустройство общества на социалистических началах означает уничтожение антагонистических классов и непримиримых классовых противоречий.

Р. Арон в своей критике марксизма исходит из прямо

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 427.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

противоположных утверждений, согласно которым провозглашается извечный характер классового деления общества, а сама классовая борьба приобретает характер соперничества, являющегося якобы неотъемлемой чертой человеческого общества.

Для доказательства этих основных положений своей социальной теории Р. Арон извращает прежде всего классовую структуру современного капиталистического общества.

Определяющим признаком «индустриального общества», утверждает он, являются такие черты, как дифференциация и стратификация, присущие якобы в одинаковой мере социалистическому и капиталистическому обществам¹. Если дифференциация означает возрастание числа профессий, которое связано с технологическим разделением труда, то стратификация свидетельствует о «неоспоримом факте» принадлежности индивидов к слоям (стратам), «более или менее ясно разграниченным, которые накладываются один на другой»².

Как известно, деление общества на слои (страты) широко распространено в современной буржуазной социологии. Классовому делению общества противопоставляется деление, в основу которого положены различные признаки (экономические, религиозные, этнические, психологические и др.). Критерием общественного деления в социальной теории Р. Арона является группа признаков. К ним относятся: «психосоциальная связь» между членами определенной страты, степень проявления «постоянства» основных черт данного слоя, «осознание» индивидами своей принадлежности к той или иной страте³. Нетрудно заметить, что в этих крайне абстрактных критериях преобладают признаки психологического порядка.

Социальная стратификация, уверяет Р. Арон, охватывает все общество, в то время как марксизм якобы упрощает общественную структуру, придавая ей вид «поляризации» двух враждебных классов⁴.

С помощью социальной стратификации Арон стремится снять вопрос об основных классах капиталистического общества, которые определены господствующим в этом

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 39.

² Там же, стр. 29.

³ См. там же, стр. 32.

⁴ См. там же, стр. 30.

обществе капиталистическим способом производства. В антагонизме этих основных классов и проявляется сущность капиталистических производственных отношений, чреватых революционными потрясениями, которые ведут к ниспровержению экономической и политической власти буржуазии. Но, говоря об основных классах общества, марксизм-ленинизм вовсе не сводит к ним всю социальную структуру общества, как силится доказать Р. Арон, согласно которому само понятие неантагонистических классов несовместимо с марксизмом, ибо якобы в соответствии с последним если есть классы, то они являются враждебными¹.

Подобная вульгаризация не имеет ничего общего со взглядами марксизма-ленинизма на социальную структуру общества. Речь идет только о том, что противоречие между основными классами данного общества является определяющим и оказывает решающее воздействие на все сферы экономической, политической, идеологической деятельности данного общества. Но вместе с тем наряду с основными классами существуют неосновные классы, связанные с предшествующим, уступившим свое место способом производства или с зародышем нового способа производства.

Теория же социальной стратификации, которая дробит структуру общества на многочисленные группы, слои, страты, стремится стереть само понятие «класс» (в подлинно научном его понимании) и попутно уничтожить идею классовой борьбы. Тем самым эта теория приходит к неразрешимому противоречию с реальной общественно-политической практикой современного капиталистического мира, которая неоспоримо свидетельствует об обострении классовой борьбы. Это обострение проявляется в размахе забастовочного движения. Крупнейшим событием последнего десятилетия в США, например, явилась двухмесячная забастовка на предприятиях автомобильной корпорации «Дженерал моторс» в сентябре — ноябре 1970 г. В борьбе против «Голиафа американской промышленности», как иногда называют эту гигантскую корпорацию, приняли участие 350 тыс. рабочих и служащих².

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 40.

² См. Б. Г. Райский. Забастовка на предприятиях «Дженерал моторс». — «США. Экономика, политика, идеология», 1971, № 1, стр. 65—69.

Забастовочное движение в цитадели империализма носит такой ожесточенный характер, что некоторые американские газеты сравнивают социальную ситуацию в США с настоящей войной. «Америка воюет во Вьетнаме и воюет дома — сама с собой»¹, — справедливо писал П. Шраг, корреспондент журнала «Сатердей ревью». «По официальным данным министерства труда США, количество человеко-дней, потерянных в связи с забастовками, увеличилось с 97 миллионов за 1961—1965 годы почти до 220 миллионов за 1966—1970 годы»².

Во Франции примером обострения классовой борьбы могут служить события мая — июня 1968 г. «Красный май» до основания потряс Пятую республику, навсегда покончив с «иллюзиями классового мира». Ожесточенные классовые бои сотрясают и другие капиталистические страны.

Антинаучность теории стратификации, ее апологетический характер проявляются в том, что она бессильна ответить на вопрос: каким же образом рабочий класс, разобщенный, согласно теории стратификации, на различные социальные группы, тем не менее единодушно выступает не только против отдельных групп капиталистов, но и против всей системы государственно-монополистического господства?

Несмотря ни на какие ухищрения стратификаторов, вновь и вновь возникает вопрос о существенном, определяющем основании, которое характеризует рабочий класс, как таковой, в его отношении ко всей системе капиталистического способа производства. И таким решающим основанием в первую очередь являются отношения собственности на средства производства. В основе эксплуатации рабочего класса лежит частная собственность на средства производства независимо от того, является ли она индивидуальной или групповой.

Стремясь избежать несоответствия теории «стратифицированного общества» объективной социальной действительности, Р. Арон готов признать, что классы все же существуют «более или менее» даже в условиях «индустриального общества». Но понятие класса в социальной теории Р. Арона мало чем отличается от понятия слоя

¹ П. Шраг. Глубина раскола. — «За рубежом», № 33(426), 9—15 августа 1968 г., стр. 13.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 140.

(страты) и характеризует только более «широкий ансамбль», нежели страта. Это понятие призвано в какой-то степени смягчить буржуазную догму о стратификации. Так, например, признается существование рабочего класса, поскольку «рабочие в каждой стране имеют общее в способе мышления, в (образе. — В. Т.) жизни, в положении, которое связано с их трудовой деятельностью»¹. Все признаки рабочего класса, перечисленные Р. Ароном, имеют своим основанием прежде всего отделение его от средств производства. Но именно это решающее «условие» и проходит мимо внимания Р. Арона, который вследствие этого остается все на той же зыбкой почве «социальной стратификации».

В то же время утверждается, что границы остальных классов (буржуазия, крестьяне) являются «неопределенными». Например, крестьяне не являются единым классом, так как среди них есть фермеры и наемные рабочие. Буржуазия также, полагает Р. Арон, не представляет собой сплоченного единства, осознанного его членами, вследствие ее разделения на различные слои². Конечно, в современном капиталистическом обществе наряду с олигархической верхушкой, входящей в состав военно-промышленного комплекса, существуют и довольно многочисленные слои средней и мелкой буржуазии, положение которых действительно является неустойчивым. Особенно неустойчивым является положение мелкой буржуазии города (владельцы мелких промышленных предприятий, бензозаправочных станций, кафе, парикмахерских и т. д.) и деревни. Происходит постоянное количественное уменьшение мелкобуржуазной прослойки особенно за счет сельскохозяйственного производства. Она является постоянным источником пополнения рядов пролетариата. Эти подвижные социальные границы, отделяющие мелкую буржуазию от других социальных групп, Р. Арон склонен распространять на весь класс капиталистов. Если следовать подобной логике, то получается, что в современном капиталистическом обществе существует более или менее определенно только один рабочий класс. Все же остальные (и в первую очередь капиталистический) якобы нельзя выделить с достаточной точностью.

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 31.

² R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 2, p. 223.

В подобных утверждениях нет ни грана истины. Несмотря на существование различных слоев и групп, класс капиталистов вполне определен как класс, располагающий средствами производства. Рокфеллеры, Дюпоны, Ротшильды как раз представляют такую группу, которая тесно связана с монополистическим государством, весь механизм которого используется для упрочения власти монополистической верхушки, различных военно-промышленных группировок.

Отрицание Р. Ароном собственности на средства производства как определяющего признака основных классов данного общества делает невозможным не только воспроизвести сколь-нибудь объективную картину социальной структуры, но и совершенно искажает тенденции развития социальной структуры современного капиталистического общества, которые подтверждают вывод Маркса о том, что накопление богатств на одном полюсе неизбежно вызывает рост пролетаризации на другом.

Какую же социальную эволюцию предлагает Р. Арон?

Социальная эволюция, утверждает он, испытывает постоянное воздействие двух основных тенденций «индустриального общества», которые действуют одновременно. Первая характеризуется все более «возрастающей гетерогенностью» (разнородностью) внутри «широких ансамблей», т. е. классов, а вторая тенденция определяется тем, что все большее количество семей достигает «однородного образа жизни или потребления», которые свойственны «средней или мелкой буржуазии»¹. Взаимодействие между этими двумя тенденциями, утверждает Р. Арон, приводит к возрастанию вертикальной мобильности между стратами, что в свою очередь ведет к меньшей «солидарности» страт и в конечном счете уменьшает склонность к «апокалипсическим интерпретациям классовой борьбы и исторического развития»².

В основе «стирания» граней между различными слоями «индустриального общества», по мнению буржуазного социолога, лежит процесс «сокращения продолжительности труда и рост реальной заработной платы». Это приводит к росту индивидуальных доходов, создает большие возможности для образования молодежи, интеллекту-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 32, 33.

² Там же, стр. 33.

ального роста все более возрастающего количества людей»¹.

Итак, социальная эволюция зависит от научно-технического прогресса, который и определяет закономерные тенденции этой эволюции современного общества².

Марксистско-ленинский анализ этой самой общей схемы социальной эволюции показывает, что ее основной целью является заведомо обреченная на провал попытка доказать «стирание» классовых границ современного капиталистического общества. Стирание классовых границ якобы обусловлено непосредственным воздействием технического прогресса. Конечно, научно-техническая революция, количественно и качественно меняющая взаимодействие человека с природой, с неизбежностью порождает большое количество новых отраслей производства, модернизирует прежние. Это в свою очередь влечет за собой дальнейшее производственно-техническое разделение труда, порождает огромное количество новых профессий. Именно это обстоятельство, абсолютизированное Р. Ароном, и должно играть роль доказательства, якобы свидетельствующего о размывании границ классового деления изнутри. Процесс дифференциации профессионально-производственной деятельности рабочего класса меняет соотношение между умственным и физическим трудом, между рабочими и инженерно-техническим персоналом, и на этом основании делается вывод об исчезновении классового единства, а следовательно, о размывании классовых границ. Такой подход означает только одно: подмену производственных отношений производственно-техническими.

Р. Арон умышленно игнорирует обратную сторону дифференциации, которая проявляется в том, что по мере производственно-технического разделения труда возрастает его интеграция. Социальный смысл интеграции заключается в возрастании общественного характера труда, который находится в непримиримом противоречии с частнокапиталистической формой присвоения результатов этого труда. Сам по себе объективный процесс дифференциации человеческой деятельности вообще, который характеризует собой все большее освоение человечеством природных сил, все более глубокое познание окружающе-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 30.

² См. там же.

го мира, должен служить делу полного освобождения человека от чуждых ему природных и социальных сил. Но в условиях капиталистического общества процесс дифференциации ведет к еще большему отчуждению рабочего, к уродливо одностороннему развитию его личности, порождает дополнительную угрозу безработицы и т. д. Капиталистические производственные отношения делают невозможной интеграцию труда в национальном масштабе, что приводит к хищническому использованию рабочей силы, так как значительная часть рабочей силы не находит себе применения, дисквалифицируется.

Эволюция социальной структуры современного капиталистического общества подтверждает вскрытый Марксом закон развития капиталистического способа производства, согласно которому труд при капитализме все больше превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал¹. Об этом убедительно говорят данные статистики. Так, в развитых капиталистических странах армия наемного труда (включая военнослужащих) увеличилась с 82,2 млн. человек в 1900 г. до 234,9 млн. человек в 1969 г. Доля лиц наемного труда в общей численности самодеятельного населения (включая военнослужащих) возросла за этот же период с 53,3 до 79,5%. По отдельным странам она в 1969 г. составила: в Англии — 93,5%, в США — 91,6, в ФРГ — 82,6, во Франции — 76,8%².

Таким образом, научно-технический прогресс не только не стирает классовую структуру современного капиталистического общества, но, напротив, невиданно обостряет главное противоречие этой структуры — противоречие между рабочим классом, возглавляющим широкие слои трудящихся, все прогрессивные элементы, и классом капиталистов, осуществляющих свое господство в форме государственно-монополистического капитала.

Помимо дифференциации профессионально-производственной деятельности, якобы размывающей границы классового деления изнутри, Арон называет тенденцию, которая будто бы размывает границы рабочего класса снаружи. Такова, по Арону, тенденция распространения буржуазного образа жизни или потребления, которая ох-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 457.

² См. «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 7, стр. 152, 154.

ватывает будто бы все большее количество семей. Исходя из этого утверждения, Р. Арон пытается «обуржуазить» рабочий класс. Но, как известно, марксизм-ленинизм отвергает всякие попытки рассматривать признаки класса в отрыве от основного признака — от отношения данного класса к средствам производства. С этой точки зрения даже наиболее высокооплачиваемые категории рабочих являются в социально-экономическом плане пролетариями. Если же рассмотреть экономическое положение рабочего класса в целом, то даже в такой наиболее развитой капиталистической стране, как США, сами руководящие и политические деятели стараются ограничить свой оптимизм, когда речь идет о жизненном уровне трудящихся. Центральным пунктом программы любого претендента на кресло президента в США за последние годы было намерение покончить с нищетой. Разумеется, дальше немереный дело не идет, но сам факт не требует пространных комментариев: нищета это одна из тех проблем, с которыми сталкивается современное американское общество. Любая попытка решить эту проблему в рамках капиталистического общества есть или неосуществимая иллюзия, или политическая спекуляция.

Делая вывод относительно эволюции социальной структуры «индустриального общества», Р. Арон настаивает на том, что, «какое бы содержание ни вкладывалось в понятие «класс», «индустриальное общество» не развивается по направлению к модели классового общества»¹. Но как же совместить утверждение о стирании классовых границ с реальным процессом возрастания классовой борьбы в странах капитала?

Под давлением реальных факторов антагонистической классовой действительности современного капиталистического общества Р. Арон вынужден признать, что, хотя эволюция социальной структуры стирает границы между классами, «раздувает мелкобуржуазную или буржуазную среду», «ограничивает интервалы между стратами», тем не менее остаются различия между «социально-профессиональными категориями», продолжает существовать «иерархия доходов, престижа, власти»².

Итак, хотя развитие техники, по Арону, и приводит к стиранию классовых границ, он признает, что в «инду-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 33.

² Там же, стр. 48.

стриальном обществе» неизбежно должны существовать определенные социальные различия. С одной стороны, Р. Арон отрицает подлинно научное определение классов, что ведет к отрицанию классового характера современного капиталистического общества, с другой — пытаясь как-то увязать свою теорию социальной структуры с реальностью, он признает различия между социальными группами (конечно, без отнесения их к собственности на средства производства).

Подлинной диалектике классовой борьбы, открытой марксизмом, противопоставляется так называемая диалектика равенства. «Индустриальное общество», утверждает Р. Арон, возбуждает эгалитаристские идеалы и в то же время, имея в качестве цели эффективность производства, создает производственную иерархию и подчиняет индивидов единой рациональности¹. «Диалектика равенства» основана на взаимодействии идеала равенства и иерархической действительности, несущей в себе неравенство. «Противоречие внутри эгалитаристского идеала, между этим идеалом и целью производства, исключает полную стабилизацию современных обществ, бесконечно потрясаемых как научно-техническим прогрессом, так и неудовлетворенностью людей»².

Интересы борющихся классов подменяются борьбой за абстрактный идеал равенства, а само социальное неравенство капиталистического общества, причиной которого является частная собственность на средства производства, трактуется как неравенство, объективно проистекающее из самого требования эффективности современного производства. Р. Арон игнорирует вопрос о том, в чьих интересах осуществляется рост эффективности производства, в противном случае ему пришлось бы отказаться от некоего идеала равенства и попытаться найти подлинные причины классовых столкновений, корни которых лежат не в научно-техническом прогрессе вообще, а в неразрешимом противоречии между производительными силами и производственными отношениями. А ведь именно это как раз и пытается отрицать Р. Арон.

Различия между социальными группами, обусловленные, по утверждению Р. Арона, самой иерархичной структурой «индустриального общества», порождают лишь

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 14.

² Там же, стр. 23.

«полумирное соперничество», которое и должно заменить «смертельную борьбу» между классами¹.

Это соперничество между социальными «категориями» Р. Арон противопоставляет «борьбе классов в марксистском смысле»². Более того, именно в результате дискуссий между социальными группами якобы обеспечивается демократическое решение «апории» между эгалитаристским идеалом и иерархической реальностью³. Так, классовая борьба капиталистического общества ведет в конечном счете к соглашению, утверждает Р. Арон.

Вся логика рассуждений буржуазного социолога направлена на доказательство того, что якобы социальные столкновения в современном капиталистическом обществе не имеют ничего общего с марксистско-ленинским учением о классовой борьбе.

В своей критике марксистского учения о сущности классов и классовой борьбы Р. Арон исходит из того, что якобы марксизм-ленинизм создает иллюзию «о фундаментальном различии между классами и их антагонизмами как на Западе, так и на Востоке»⁴, неправомерно смешивает между собой «конфликты социальных групп», неотделимые от «каждого свободного общества индустриального века», и «смертельную классовую борьбу, ведущую к непримиримой враждебности»⁵, стремится «преобразовать конфликты в смертельную борьбу, внушая, что частная собственность включает в себе эксплуатацию большинства и исключает прогрессивное улучшение участи всех»⁶.

Эти откровенные постулаты социальной теории Р. Арона как нельзя лучше вскрывают классовую направленность теории «единого индустриального общества», которая проявляется в его определенном отношении к частной собственности на средства производства. Именно на восхваление ее направлены все идеологические построения Р. Арона.

Во всех рассуждениях Р. Арона отчетливо проявляется его социально-политическое кредо. Оно ограничивается рамками капиталистического общества. Что же касается

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 37.

² Там же, стр. 38.

³ См. там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 44.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

основной черты «свободного» общества, которой, как утверждает Р. Арон, являются «конфликты»¹ между социальными категориями, то она, несомненно, воспроизводит давнишнюю идею буржуазной пропаганды, заключающуюся в том, что так называемое право на забастовку при капитализме является якобы добровольным даянием капиталистов. Это, разумеется, не соответствует истине. Право на забастовку было вырвано многолетней борьбой рабочего класса. Вся деятельность государственно-монополистического аппарата как раз и направлена на то, чтобы целым рядом драконовских законов ограничить или свести на нет размах забастовочной борьбы рабочего класса.

Р. Арон стремится доказать, что по мере роста «коллективного богатства» социальные конфликты сглаживаются и принимают полумирный характер. Это также не соответствует истине. На самом деле в капиталистическом обществе речь не может идти ни о каком «коллективном богатстве», потому что подавляющая часть национального богатства, произведенного трудящимися, находится в руках небольшой кучки мультимиллионеров. Научно-технический прогресс не меняет существа этого очевидного факта. Наоборот, он используется капиталистами для получения дополнительных прибылей, что приводит к еще большей эксплуатации трудящихся.

Вся социальная теория так называемого единого индустриального общества призвана доказать непреходящий характер современного капитализма, который под влиянием научно-технического прогресса якобы изменил свою социальную природу. Ароном последовательно проводится мысль о том, что марксизм, сформировавшийся в переходный период от «традиционного» общества к «индустриальному», хотя и уловил некоторые черты технической цивилизации, но уже не в состоянии как будто бы с научной достоверностью определить содержание современной социальной эволюции.

Все более возрастающее влияние идей марксизма-ленинизма в современном мире объясняется, утверждает Р. Арон, не их научной обоснованностью, а тем, что они составляют идеологию великой страны — Советского Союза. Нельзя не согласиться с тем, что успехи первого в мире социалистического государства, проявляющиеся

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 43.

в бурном развитии экономики и культуры, в возникновении и расцвете социалистических общественных отношений, где нет места эксплуатации, в формировании нового человека, гармонично воплощающего лучшие качества человеческой личности, не могут не вызвать пристального внимания и интереса со стороны различных общественных слоев на Западе.

Но ведь дело как раз и заключается в том, что достижения Советского Союза и других социалистических стран являются прекрасным доказательством всемирно-исторического значения марксизма-ленинизма, его абсолютной научной истинности. Критерий практики как раз и является мерилom объективности и научности той или иной социальной теории.

Исходя из плюралистического понимания социальной структуры общества, Р. Арон отрицает и другой подтвержденный многовековой исторической практикой тезис марксизма о том, что тот класс, который располагает основными средствами производства, является и политически господствующим классом. Р. Арон сводит собственность на средства производства лишь к «одному из возможных оснований» (наряду с другими) политической власти¹.

Целостному рассмотрению марксизмом социальных процессов, классовому анализу политической власти противопоставляется формальное рассмотрение власти «вообще», которую «кто-либо» осуществляет над массами.

В теории «индустриального общества» Р. Арона политика отрывается от экономики и истолковывается как явление, в основе которого лежит прежде всего психологический фактор. Политика, утверждает Р. Арон, как определенная программа действий партии, класса, государства, имеет примат по отношению к экономике. Этот примат, поясняет Р. Арон, заключается не в том, что политика относится к экономике как причина к следствию. Ведущая роль политики заключается, во-первых, в том, что различные модальности «индустриального общества» (под которыми понимается социализм и капитализм) определяются различной политикой. Именно политика определяет характерные черты того или иного вида «индустриального общества». Во-вторых, политика имеет «более непосредственное отношение к сущности существования»

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 50.

человека¹, который в силу своего общественного бытия должен так или иначе относиться к другим.

Р. Арон призывает исключить идеологию из политики, которая должна исходить из признания совокупности «хороших» и «плохих» сторон, в одинаковой мере принадлежащих как капитализму, так и социализму. Весь пафос подобных рассуждений направлен на то, чтобы снять вопрос о коренных различиях внешней и внутренней политики социалистического и капиталистического государств, устранить ее классовый характер и представить дело таким образом, будто речь идет лишь о каких-то альтернативных решениях одних и тех же проблем.

А между тем политика, выражая отношения между классами, нациями и государствами², относится к надстроечным явлениям. Следовательно, она подчинена главной закономерности развития, заключающейся в определяющей роли экономического базиса по отношению к надстройке. Способ производства, определяя все стороны общественной жизни, обуславливает также и политический процесс³. В. И. Ленин, подчеркивая тесную диалектическую связь между определенной совокупностью производственных отношений и политики, писал, что «политика есть концентрированное выражение экономики...»⁴.

В политике находят свое выражение коренные интересы определенного класса. Например, политика государственно-монополистической верхушки современного капиталистического государства направлена на то, чтобы сохранить и по возможности упрочить систему эксплуатации. Интересы рабочего класса заключаются в обратном: в уничтожении капиталистического государства. Определенное положение пролетариата в системе капиталистического производства делает его наиболее последовательным борцом за общественный прогресс в интересах всего общества. Пролетариат выступает гегемоном социалистической революции и в союзе со всеми угнетенными классами, социальными слоями и нациями решает главную политическую задачу — разрушение всей системы государственной власти, осуществляемой в интересах капитала.

¹ R. Aron. *Démocratie et totalitarisme*, p. 33.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 369.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 278.

Вместе с тем «политика не может не иметь первенства над экономикой»¹, которое проявляется в том, что завоевание и упрочение политической власти пролетариатом способствует разрешению коренных задач общественного развития. Этот процесс осуществляется как реализация решающих интересов класса, в том числе и экономических интересов.

Взаимоотношение политики и экономики представляет собой многогранный диалектический процесс. Только с позиций этого взаимодействия можно вскрыть подлинное содержание и роль политики, пронизывающей всю надстройку той или иной общественно-экономической формации. Политика оказывает в той или иной форме влияние на все общественные отношения: межгосударственные, национальные, идеологические и т. д.

Р. Арон, игнорируя классовую сущность политики, исходит из абстрактного «факта олигархии» (т. е. политического господства вообще) и ставит задачу рассмотрения «различных форм, которые вскрывают факт олигархии в обществах индустриального типа»². В соответствии с логикой подобного анализа политическая власть как в социалистическом обществе, так и в капиталистическом рассматривается как проявление одного и того же «факта». Политическая власть истолковывается как решения, которые принимаются «некоторыми» от имени всех. Каждое общество определяет как форму выбора этих «некоторых», так и форму осуществления их власти³.

Основной чертой политической физиономии «индустриального общества» является, по мнению Р. Арона, плюрализм, который проистекает из самого существа социальной структуры «индустриального общества», характеризующегося наличием «различных иерархий». Это приводит к «диссоциации», расчленению власти «между директорами предприятий, политиками, руководителями масс, руководителями армии». В свою очередь «духовная власть» также делится «между теологами, интеллектуалами и идеологами»⁴.

Главное различие политических структур социалистического и капиталистического государств Арон усматри-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 278.

² R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 52.

³ См. там же.

⁴ Там же, стр. 53.

вает в том, что «социальный порядок Запада характеризуется диссоциацией руководящих категорий, социальный порядок в СССР... унификацией категорий в единую партию»¹. Если «диссоциация» власти рассматривается как результат индустриализации (в результате развития которой якобы возникает все более увеличивающееся число возможностей экономических, политических и т. д., между которыми и выбирает общество), то «унификация» характеризует политическое устройство традиционных обществ. В результате Р. Ароном делается вывод о том, что «унифицированные системы» в странах социализма представляют собой некий «анахронизм», основание которого заключено «не в необходимости, а в принципе»².

«Плюрализм», «диссоциация» структур в современном капиталистическом государстве, о которых говорит Арон, выдавая их за существенные черты современного «индустриального» (капиталистического) общества, на самом деле не способны объяснить сущность буржуазного государства. Подлинная сущность государства давно раскрыта и показана марксизмом-ленинизмом. В частности, В. И. Ленин писал: «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»³.

Таким образом, политическая власть является не просто абстрактным «фактом олигархии», а, напротив, ее содержанием являются непримиримые классовые противоречия. Государство, осуществляющее политику господствующего класса, «есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим...»⁴.

Отрицание классового характера политической власти в современном капиталистическом обществе приводит Р. Арона к неким количественным характеристикам различных политических организаций, которые в действительности отличаются друг от друга по своему суще-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 55.

² Там же, стр. 59.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

⁴ Там же.

ству. Это различие проистекает из противоположных классовых интересов социалистического и капиталистического государств.

Политическая организация общества представляет совокупность всех политических учреждений определенного классового общества. В антагонистическом обществе ведущая роль принадлежит тем учреждениям, которые непосредственно составляют механизм угнетения одних классов другими. Так, в современном капиталистическом обществе к аппарату диктатуры буржуазии принадлежат такие учреждения, как государство, партии, церковь, реакционные профсоюзы, различные политические клубы и другие организации, преследующие политические цели.

Социалистическое же общество осуществляет строительство социализма, используя механизм диктатуры пролетариата, который состоит из государства, партии, профсоюзов, молодежных организаций, кооперации и других общественных организаций. Руководящей и направляющей силой социалистического общества является коммунистическая партия, политика которой отвечает глубоким интересам трудящихся масс. В процессе строительства социализма в нашей стране произошли глубочайшие социально-экономические преобразования, которые привели к существенным изменениям в политической организации нашего общества. Советское государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное, а коммунистическая партия, возникшая как партия рабочего класса, стала партией всего советского народа. В силу целого ряда особенностей диктатура пролетариата в некоторых странах Восточной Европы осуществляется в форме народной демократии. В этих странах существует система нескольких партий, которые входят в систему народного фронта, руководимого и направляемого коммунистическими партиями.

Итак, политическая организация социалистического общества — это не воплощение, как пытается уверить Р. Арон, какого-то абстрактного принципа «унификации», а организация, вытекающая из объективной необходимости прогрессивного развития общества, служащая делу подавления сопротивления эксплуататорских классов, строительству нового общества на коммунистических началах.

Что касается «диссоциации» власти в современном капиталистическом государстве, то она является неизменным рефреном буржуазной пропаганды и различных реформистских теорий. Конечно, в капиталистическом государстве существует «разделение власти». Весь вопрос заключается только в том, между какими классами и социальными группами поделена власть. Маркс и Энгельс, вскрывая сущность лозунга разделения власти применительно к буржуазии раннего периода, писали, что «в стране, где в данный период времени между королевской властью, аристократией и буржуазией идет спор из-за господства, где, таким образом, господство разделено, там господствующей мыслью оказывается учение о разделении властей, о котором говорят как о «вечном законе»»¹.

В рамках современного капиталистического государства существуют различные соперничающие между собой военно-промышленные группы, комплексы. Это соперничество ярко проявляется в борьбе различных партий, политические программы которых, однако, не выходят за рамки коренных интересов крупного капитала той или иной страны.

«Разделение власти» при капитализме, которое, по Р. Арону, вытекает из самой природы «индустриального общества», есть не что иное, как проявление в конечном счете борьбы различных монополистических объединений за прибыли и сверхприбыли, получаемые за счет ограбления как трудящихся своей страны, так и трудящихся колониальных и полуколониальных стран. Аналогия между социалистической и капиталистической системами политической власти с точки зрения абстрактного факта власти и подчинения имеет целью завуалировать принципиальное различие между ними. Это различие, как мы видим, заключается вовсе не в «диссоциации» или «унифицировании» политической власти, осуществляемой меньшинством над большинством, а в том, что господство эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, осуществляемое с помощью буржуазной государственной машины, коренным образом отличается от политической власти подавляющего большинства трудящихся, осуществляемой в социалистическом государстве. Эту принципиальную разницу и пы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 46.

тается скрыть апологет «индустриального общества» Р. Арон, по мнению которого эгалитаристский идеал неосуществим в рамках современного «индустриального общества» как с точки зрения экономической, о чем свидетельствуют конфликты между классами, так и с политической точки зрения, что подтверждается конфликтами между «руководящим меньшинством» и «массами»¹.

В конечном счете Р. Ароном делается вывод о том, что в рамках «индустриального общества» идеал равенства является недостижимым. Но этот вывод, абсолютно справедливый в отношении капиталистических стран, он распространяет и на социалистические страны. С помощью последнего утверждения Р. Арон тщетно стремится отрицать реальный факт, который заключается в том, что именно социализм, покончивший с эксплуатацией человека человеком, впервые в истории создает условия для осуществления подлинного равенства во всех сферах общественной жизни.

Лишенные Ароном классового содержания различные системы неравенства («неравенство социально-экономическое», «неравенство социально-политическое», «неравенство национальное») искажают самую суть социального неравенства, проистекающего в первую очередь из существования антагонистических классов. «...Равенство есть пустая фраза, — писал В. И. Ленин, — если под равенством не понимать уничтожения классов»².

Разрывая различные элементы неравенства, обусловленного капиталистическим способом производства, Р. Арон в лучшем случае иллюстрирует эти элементы, констатирует их, пытаясь отрицать классовую сущность неравенства. В результате этого система неравенства современной «технической цивилизации», о которой говорит Р. Арон, приобретает внеисторический, лишенный конкретного классового содержания вид. И напротив, только рассмотрение классового содержания позволяет с научной достоверностью, конкретно-исторически рассмотреть различные стороны неравенства, выявить причины его появления, развития и упразднения.

¹ R. Aron. *Les désillusions du progrès*, p. 95.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 353.

«Равновесие страха» или мирное сосуществование?

С точки зрения формального анализа, лишенного классового содержания, рассматривается Р. Арон и вся система межгосударственных отношений современного мира. Если концепция социальной стратификации направлена на то, чтобы выхолостить сущность революционной диалектики классовой борьбы, которую ведут под руководством пролетариата широкие слои трудящихся капиталистических стран, то концепция «мирового общества» (это понятие охватывает совокупность государств современного мира) направлена против революционной диалектики мирового развития, определяемой ростом сил социализма, мира и прогресса.

В своем анализе международных отношений Р. Арон исходит из признания того, что решающим моментом в модификации этих отношений является прямое и непосредственное воздействие научно-технического прогресса, которое определяет как развитие отношений между различными разновидностями «индустриального общества» (каковыми являются якобы социализм и капитализм), так и между развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

Наиболее общими чертами «мирового порядка» (под которым понимается вся система международных отношений) являются: во-первых, анархичность, во-вторых, неравномерное развитие различных государств и, в-третьих, существование различных идеологических систем¹.

Анархичный характер современного мира проистекает из решающего значения силы в отношениях между государствами, что придает ему характерные черты общества, находящегося в естественном состоянии² (состояние, при котором каждый из членов общества в равной степени преследует свои эгоистические интересы).

Р. Арон не скупится на эпитеты, характеризуя современный мир, на который он переносит принципы взаимоотношений между капиталистическими государствами,

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 195.

² См. там же.

как «асоциальное общество», «анархический строй», «безрассудная рациональность», — это далеко не полный перечень характеристик, определяющих, по его мнению, современное состояние международных отношений.

Насилие, лежащее якобы в основе «мирового общества», классифицируется Р. Ароном в соответствии с тремя различными видами оружия, которые приобретают определенный символический смысл. Автомат, танк, атомная бомба — вот, по Арону, три символа насилия современной цивилизации, из которых первый определяет методы партизанской войны, второй используется соединениями регулярной армии и третий может быть применен в термоядерных взаимных ударах¹.

«Диалектика» различных видов насилия, различающихся степенью разрушительной силы используемого оружия, приводит якобы к тому, что, с одной стороны, «атомное оружие воспрещает повторение тотальных войн, а с другой — предлагает стратегам средство, чтобы избежать альтернативы «все или ничего», пассивности или апокалипсиса»².

В конечном итоге делается вывод о том, что мир в современных условиях имеет своим основанием «психологический фундамент», «атомное табу», которое должно остановить эскалацию насилия, прежде чем она достигнет своей последней ступени³.

Таким образом, межгосударственные отношения современной технической цивилизации, утверждает Арон, носят «анархичный и олигархический» характер⁴.

Интерес буржуазного социолога к сфере международных отношений не случаен. Он вызван тем, что современные международные отношения со все большей полнотой и ясностью выявляют основные закономерности современного мирового исторического процесса. Международное положение в настоящее время характеризуется прежде всего противоборством двух систем, кризисом внешнеполитической деятельности империализма. Наступление мирового революционного движения, рост могущества социалистической системы вызвали необходимость пересмотра прежних откровенно грубых методов империали-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 204.

² Там же, стр. 298.

³ См. там же, стр. 208.

⁴ См. там же, стр. 221.

стейской экспансии, опирающейся на применение вооруженной силы, экономической и политический шантаж. Благодаря возросшей экономической, политической и военной мощи Советского Союза и других социалистических стран стало возможным противопоставить насильственным действиям империализма в любой точке нашей планеты эффективные меры защиты независимости и суверенитета страны, подвергающейся агрессии. Отчетливо выявляется противоречие между проводимой империализмом политикой с «позиции силы» и его ограниченными возможностями.

Ослабление сил империализма на мировой арене, отражающее объективный процесс общего кризиса капитализма, извращенно воспринимается некоторыми политиками, историками, социологами как результат каких-то ложных концепций, непродуманных решений, поспешных выводов. Конечно, международные отношения, осуществляемые посредством различных общественно-политических институтов, испытывают влияние взглядов того или иного политического деятеля, партии, но для оценки внешнеполитической деятельности современного империализма, осуществляемой в интересах монополистической верхушки, необходимы объективные критерии. Ведь в субъективной деятельности правящих кругов империалистического государства проявляются объективные процессы общего кризиса капитализма. Субъективная деятельность может в известных границах влиять на ход и течение дел при капитализме, но она не может уничтожить или хотя бы изменить объективные, материальные предпосылки полного краха капиталистической системы. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что буржуазные политики «не могут не делать непоправимых глупостей»¹.

Тем не менее современная буржуазная социология стремится разработать такие принципы внешнеполитической деятельности, которые, определенным образом ориентируя государственных деятелей, помогли бы им вырабатывать эффективную политику в отношении социалистических стран.

Убедившись в невозможности «отбросить» социализм, все большее число буржуазных политических деятелей соглашаются с идеей принципа «равновесия» между со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 67.

циализмом и капитализмом, что равносильно прямому признанию могущества социализма.

«Мировое общество» Р. Арона не что иное, как очередной вариант теории «равновесия». Конечно, «равновесие», основанное на страхе, не имеет ничего общего с принципом мирного сосуществования государств с различными социальными системами, лежащим в основе политики нашей партии и государства.

Сторонники так называемого равновесия видят мир скованным ужасом. Вся перспектива общественного развития сводится к одной цели: сохранить это равновесие. Подобная точка зрения оправдывает гонку вооружений, рост милитаризма, увеличение военного бремени, возложенного на плечи трудящихся в капиталистических странах.

Если учесть, что историческое развитие, по Р. Арону, носит непредвиденный характер, то социальная теория «индустриального общества», объявляющая в качестве основы мира страх, исходит из фактического признания фатальной неизбежности войн.

Все человеческое существование как в настоящем, так и в будущем помещается на зыбкую почву равновесия сил, постоянно грозящего разрушиться и ввергнуть мир в термоядерную катастрофу. Арон не замечает тех социальных сил, которые способны вести человечество к подлинному миру без угрозы войн и насилия, он не видит реального процесса развития мира. Но не пессимистическая статика, а революционно-оптимистический динамизм — вот что характеризует политику, основанную на ленинском принципе мирного сосуществования государств, который ныне «превратился в реальную силу международного развития»¹.

Политика мирного сосуществования, проводимая Советским Союзом, братскими странами социализма и другими миролюбивыми странами при поддержке всех прогрессивных сил нашей планеты, выдвигает позитивные цели, отвечающие интересам всего человечества, определяет ясную перспективу движения человечества к высшей социальной организации, революционный переход от капиталистической общественно-экономической формации к социалистической. Но все это рассматривается Р. Ароном вопреки объективной истине как результат некой

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 23.

субъективной воли марксистов, воплощенной в марксистско-ленинской идеологии, которая якобы находится в противоречии с разумом, допускающим споры, но не допускающим «смертельной борьбы»¹ (под «смертельной борьбой» понимаются антагонистические классовые противоречия, которые якобы не существуют объективно, а инспирируются марксизмом).

Порочная методология «технологического детерминизма» приводит Р. Арона к тому, что «равновесие» в современном мире рассматривается им как непосредственное следствие научно-технического прогресса, обусловившего создание термоядерного оружия. Хотя, по мнению буржуазного социолога, техническое развитие и не определяет все стороны международных отношений, которые испокон веков имели своим основанием насилие, тем не менее военная техника, оружие, находящиеся в распоряжении различных государств, модифицировали эти отношения насилия, которые отныне, по крайней мере между великими державами, строятся на основе «психологического чувства равновесия».

Подобная логика совершенно исключает классовый анализ современного международного положения и позволяет ставить на одну доску агрессора и жертву агрессии. Представление о современном мире, согласно которому существует лишь сумма партнеров, располагающих различными военными потенциалами, а все отношения между ними сводятся к психологическому фундаменту, существенно искажает истинное положение вещей. Конечно, чувство страха перед будущим пронизывает все буржуазное миросозерцание, представляя очевидный контраст с тем оптимизмом, который разделяло большинство буржуазных идеологов, когда капитализм находился на восходящей ветви своего развития. Но как оптимизм прошлого, так и пессимизм настоящего, характеризующие ту или иную буржуазную социальную теорию, проистекают из материальных оснований развивающегося мира, определяемых исторически ограниченными рамками капитализма.

Современное международное положение характеризуется борьбой двух основных прямо противоположных направлений. Первое направление, возглавляемое мировой социалистической системой, выступает за мир и прог-

¹ R. Aron. Trois essais sur l'âge industriel, p. 31.

ресс и характеризуется новым типом международных отношений, основанных на дружбе и взаимоуважении. Второе проявляется в агрессивной политике империализма во главе с США, стремящегося утвердить в качестве нормы международных отношений волчий принцип, основанный на праве сильного в отношении к слабому. Мировая социалистическая система располагает ракетно-ядерным потенциалом, который, несомненно, внушает страх правящим кругам империалистических стран и оказывает решающее воздействие на мышление стратегов империализма, стоящих перед выбором сил и средств своей агрессивной политики. Свести на нет классовые интересы противоборствующих сил на мировой арене, объяснить сложную диалектику классовой борьбы в области международных отношений с помощью психологии страха, одинаково испытываемого всеми партнерами, скрыть агрессивную сущность империализма — такова главная цель социальной теории «мирового общества» Р. Арона.

Проповедуя свой основной тезис о затухании классовой борьбы в современном капиталистическом обществе, что находится в вопиющем противоречии с фактами реальной социальной действительности, Р. Арон стремится распространить этот тезис и на взаимоотношения между развитыми капиталистическими странами и развивающимися странами.

Неравномерное развитие различных государств определяется, по Арону, тенденциями развития современного «индустриального общества». Эти тенденции характеризуются якобы тем, что вследствие научно-технического прогресса уменьшается неравенство внутри экономических объединений («систем») (под экономической системой понимается отдельная национальная экономика) и увеличивается неравенство «между экономическими объединениями (системами)»¹.

Из этого Р. Арон делает вывод, что если самой важной проблемой XIX в. была «проблема пролетариата», то во второй половине XX в. самой важной проблемой является «скандальная нищета целых народов, в то время как все классы других народов используют... коллективный прогресс»².

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 227.

² См. там же.

Если «традиционные общества» характеризовались различием в культурах, которые не несли в себе неравенства, ибо «каждая могла полагать свое превосходство», то, напротив, современная цивилизация, утверждает Р. Арон, имеет «обобщающее значение», так как каждое общество провозглашает целью своего развития индустриализацию¹.

Вследствие этого «индустриальная цивилизация» не может не быть разрозненной, так как расстояние, отделяющее различные государства от общей цели (каковой является индустриализация), стало различным. Р. Арон стремится противопоставить индустриально развитые страны (как социалистические, так и капиталистические) странам неразвитым, что имеет целью замаскировать одну из существенных черт империализма, заключающуюся в стремлении капитала эксплуатировать слаборазвитые страны.

В. И. Ленин, определяя главные виды монополий и роль колониальной политики империализма, писал: «...монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. — наконец за хозяйственную территорию вообще»². И далее: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций (подчеркнуто мной. — В. Т.) — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм»³.

Все рассуждения Р. Арона о неравномерных темпах индустриализации направлены на то, чтобы обойти, смазать, скрыть классовую сущность отношений между развитыми капиталистическими странами и развивающимися странами, вытекающую из самой экономической природы империализма и заключающуюся в ограблении капиталом национальной экономики, природных ресурсов слаборазвитых стран, что увековечивает их отсталость, при-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 227.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 421—422.

³ Там же, стр. 422.

дает экономике этих стран крайне уродливое, однобокое развитие.

Р. Арон бесплодно пытается доказать неправомерность утверждений марксизма-ленинизма о том, что монополистический капитал является основной причиной отсталости многих стран Африки, Азии, Латинской Америки и главным препятствием на пути развития их независимой экономики.

Источником подобного взгляда, разделяемого, по мнению Р. Арона, представителями «пролетарских наций», является не что иное, как «оптическая иллюзия», покоящаяся «на вековом, многолетнем опыте»¹ и заключающаяся якобы в том, что экономические принципы, традиции неразвитого, доиндустриального общества неправомерно переносятся в сферу экономической деятельности «индустриального общества».

Если в «традиционном обществе», утверждает Р. Арон, главными источниками богатства которого являлись «земля, драгоценные металлы, торговая прибыль», «богатство одних было неотделимо от бедности других», то, по его мнению, положение коренным образом изменилось в эпоху «индустриального общества», характеризующегося бурно развивающейся экономикой, где «источником богатства является труд» и «объем благ и коллективное распределение зависят от качества и продолжительности труда»².

Поэтому «индустриальная нация» якобы не зависит от других наций в накоплении своего богатства, ибо главным источником богатства является возрастание производительности труда внутри самой «индустриальной нации». Покупка же сырья развитыми странами создает возможность обогащения и развития отсталых стран. На этом основании Р. Ароном делается вывод о том, что «в эпоху индустриального общества нет противоречия между прогрессом развитых и неразвитых стран»³. Истинным источником богатства, таким образом, является рост производительности труда, который обеспечивается научно-техническим прогрессом. Исходя из этого даются рекомендации, заключающиеся в благих пожеланиях слаборазвитым

¹ A. Aron. Trois essais sur l'âge industriel, p. 36.

² Там же.

³ Там же, стр. 37.

странам обращать большее внимание на повышение производительности труда, на все большее извлечение прибыли из полезных ископаемых и т. д. и в то же время покончить с такими представлениями об обществе, которые рождают идеи «враждебности», «смертельной борьбы», «взаимоуничтожения».

Правда, Р. Арон отчасти признает обвинения в адрес капиталистических стран, касающиеся неэквивалентности обмена, но тут же спешит добавить, что неэквивалентный обмен не является самоцелью той или иной капиталистической страны или отдельной компании, а есть лишь результат положения дел на мировом рынке, где очень часты колебания цен на сырье. Исходя из этого, он предлагает неразвитым странам обращать внимание на все отрасли экономики, а не специализироваться на производстве какой-либо одной культуры. К развитым странам в свою очередь обращено благое пожелание не устанавливать низкие цены на сырье. Впрочем, Р. Арон не забывает присовокупить, что индустриальные страны не должны отказываться от прибыли, которую дает собственность, или от «благоприятных цен обмена»¹.

Дело, конечно, вовсе не в том, «сознательно» или «бессознательно» империалистические страны в той или иной форме эксплуатируют слаборазвитые страны. Марксизм-ленинизм вскрыл закономерные черты всей системы империализма, к которым относится и беспощадная эксплуатация колониальных и полуколониальных стран.

Рекомендуемые нормативные принципы, положенные в основу взаимоотношений между крупнейшими капиталистическими и развивающимися странами, должны, по мнению Р. Арона, ослабить конфликты современного мира. На самом деле эти принципы есть не что иное, как проповедь «классового мира», который буржуазный социолог стремится распространить и на международные отношения.

. Все эти рассуждения сводятся к выводу о том, что марксистская концепция общественного развития якобы не подтверждается современным «индустриальным обществом» и непригодна ни в качестве «интерпретации» взаимоотношений между классами, ни в качестве «интерпретации» взаимоотношений между государствами и нациями.

¹ R. Aron. Trois essais sur l'âge industriel, p. 43.

Р. Арон готов признать «конфликты» между странами империализма и развивающимися странами, но он отрицает классовую сущность этих конфликтов. В его трактовке им придается «психологический или экономический»¹ характер, а источником их признаются споры о ценах на имущество, на услуги или о распределении естественных богатств. Но так как объем естественных богатств возрастает с появлением «индустриального общества», способного применить науку к производству, то возникает якобы возможность сотрудничества между развитыми и неразвитыми странами. Таким образом, постоянное расширение объема естественного богатства, определяемое научно-техническим прогрессом, якобы является источником сотрудничества различных социальных групп как внутри «индустриального общества», так и в его взаимоотношениях с неразвитыми странами.

Понятно, что само по себе развитие науки и техники не может решить проблемы взаимоотношений между развитыми капиталистическими странами и развивающимися странами, ибо эти отношения основаны на эксплуатации одних другими. Подлинное решение проблемы — в уничтожении всей системы колониального и полуколониального господства во всех его формах и проявлениях.

Существенное влияние на международные отношения оказывают, утверждает Р. Арон, различные ценностные системы, идеологии, культуры. Научно-технический прогресс, рационализация всей общественной жизни якобы преобразуют содержание и этих явлений. Их былая несовместимость и взаимная нетерпимость постепенно уступают место взаимопризнанию права на существование. Идеологии рассматриваются буржуазным социологом как «частичная» истина, имеющая смысл только в определенных рамках. Таким образом, плюрализм, являющийся, по утверждению Р. Арона, одной из главных черт «индустриального общества», относится им к любой общественной сфере и распространяется также и на идеологию.

С этой позиции Р. Арон подходит к рассмотрению существования различных культур, ценностных систем, идеологии.

Многообразие ценностных систем объясняется Р. Ароном тем, что всеобщие ценности современной цивилизации (например, стремление к равенству, индивидуальности

¹ R. Aron. *Trois essais sur l'âge industriel*, p. 43.

сти и т. д.), преломляясь через призму различных культур, образуют различные системы. Поэтому общие тенденции развития, обусловленные научно-техническим прогрессом каждого современного общества, тем не менее «не исключают качественных и количественных различий между континентами и странами...»¹.

Но если культуры, по мнению Р. Арона, различаются «традициями, стилем личных отношений», то идеологические взгляды характеризуют «мнение о желательной... экономической, политической или социальной организации»². В этом смысле, утверждает Р. Арон, конкурирующие идеологические взгляды вырабатываются всеми странами, классами, религиями³.

Определяя различные идеологии как альтернативы решения тех или иных вопросов организации общества, Р. Арон стремится стереть принципиальное различие между марксистско-ленинской идеологией — научным мировоззрением рабочего класса и различными идеологическими извращенными формами сознания.

Буржуазный социолог не может не признать огромного влияния марксистских идей на умы и сердца миллионов людей нашей планеты. Именно это влияние определило марксистско-ленинскому учению «яркую судьбу»⁴. Но вместе с тем он не жалеет доводов, чтобы «доказать» какое-то размывание марксистской идеологии.

Р. Арон утверждает, что якобы марксизм как «секуляризованная религия» наряду с другими возник в период кризисного состояния общества, когда происходила стабилизация «индустриального общества», как такового. Современное же состояние «индустриальной цивилизации» таково, что «секуляризованная религия» (под которой разумеется марксизм), «возведенная в высшую инстанцию истины, несет лишь один из возможных ответов»⁵, характеризуя неразвитые в промышленном отношении страны, и теряет свое значение в индустриально развитых странах.

Весь «пафос» подобных рассуждений преследует одну очевидную цель — доказать, что идеологическая борьба

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 258.

² Там же, стр. 264.

³ См. там же.

⁴ См. там же, стр. 265.

⁵ Там же, стр. 264.

между социализмом и капитализмом не соответствует современной «индустриальной цивилизации». Ибо, несмотря на то, что могут существовать различные точки зрения на форму и способ организации общества, индустриально развитые страны независимо от политической и экономической структуры стоят якобы перед одинаковыми проблемами «технического века», что качественно отличает их от неразвитых стран.

Анализ современного состояния «мирового общества» приводит Р. Арона к противоречивому выводу о том, что, несмотря на постоянное снижение роли и значения идеологии как «секуляризированной религии», нельзя тем не менее утверждать, что «индустриальная цивилизация» приведет к уничтожению всяких идеологических конфликтов. Напротив, полагает Р. Арон, «век универсальной техники с необходимостью становится веком... идеологических конфликтов»¹.

Итак, «диалектика» международных отношений, утверждает Р. Арон, с одной стороны, выявляет общий базис современного индустриального общества, которым является определенный уровень научно-технического развития, уничтожающий классовые антагонизмы, с другой стороны, свидетельствует о невозможности стирания различий в историческом развитии каждой страны, континента, проистекающих из особенностей той или иной культуры, что должно приводить только к «полумирным конфликтам».

Как нетрудно заметить, все идеологические построения Р. Арона синтезируются в одну систему с помощью технической и социальной сторон в общественном развитии. Классовый подход к изучению общественных явлений, с помощью которого только и можно научно вскрыть сложную диалектику общественного развития, подменяется «технологическим» подходом, суть которого заключается в том, что научно-технический прогресс автоматически приводит к уничтожению классовых антагонизмов и ведет к известному сближению социализма и капитализма.

Теория «индустриального общества» определенным образом соотносится с другой распространенной среди буржуазных социологов теорией конвергенции, реакционная сущность которой вскрыта в ряде исследований совет-

¹ R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 278.

ских и зарубежных авторов¹. Необходимо отметить, что эти концепции сближает общий метод теоретического подхода к социальной действительности. Он заключается в том, что буржуазные социологи произвольно выхватывают из общественного развития ту или иную сторону и произвольно конструируют различные схемы (например, «стадии роста», «индустриальное общество», «постиндустриальное общество» и т. д.). Наиболее последовательные сторонники теории конвергенции говорят о такой эволюции различных социально-экономических систем, которая приведет к «интегральному типу общества» (П. Сорокин). Развитие социализма и капитализма представляется ими как постоянное движение к некоему «синтезу», воплотившему якобы как хорошие стороны социализма, так и «хорошие» стороны капитализма. На деле этот «синтез» означает поглощение социализма капитализмом.

Надуманность подобного общества-гибрида несомненна и очевидна даже для определенной части буржуазных социологов. К ним можно отнести и Р. Арона, который хотя и говорит о тенденциях «сближения» между социализмом и капитализмом, но отвергает крайние выводы об обществе-гибриде. Смысл разделяемой им теории «индустриального общества» как раз и заключается в том, что развитие индустрии, техники определяет лишь некоторые сходные черты различных социально-экономических типов, что и позволяет применить к ним общее понятие, но тем не менее различия между «модификациями» невозможно уничтожить.

* * *

Итак, мы рассмотрели в общих чертах содержание исторического процесса, как оно представлено в теории «индустриального общества» Р. Арона. «Пессимистическая диалектика» Р. Арона, извращающая подлинную диалектику современности, является без сомнения одной из разновидностей современного реакционно-консервативного социального видения действительности. Она отражает стремление ограничить социальное развитие рамками одной, и только одной, общественно-эконо-

¹ См., например, «Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии». Сборник переводов. М., 1971. См. также работы Э. Я. Брегеля, И. С. Кона, М. Б. Митина, В. И. Михеева, Е. Д. Модрижской, В. В. Мшвениерадзе, В. С. Семенова и др.

мической формации — капиталистической, т. е. увековечить антагонистическое противоречие между трудом и капиталом, оставив его без разрешения. Иначе говоря, эта «диалектика» в идеальной форме отражает ту точку зрения на общественное развитие, которую представляет консервативная (в этом смысле «положительная») сторона основного социального противоречия при капитализме, т. е. класс капиталистов-предпринимателей. Эта точка зрения является не только односторонней в смысле ее неполноты, но и в принципе ошибочной, поскольку она исходит из стремления затормозить общественный прогресс и стать на его пути. Качественную противоположность данной точке зрения представляет марксистская диалектика, которая выражает классовый интерес пролетариата, совпадающий с магистральной линией общественного прогресса в современную эпоху. Об этом интересе и соответствующей ему позиции К. Маркс в «Святом семействе» писал как об отрицательной стороне основного социального противоречия внутри буржуазного общества¹.

Консерватизм и реакционность «диалектики» Р. Арона в методологическом плане проявляется, как мы видим, в мистификации закона единства и борьбы противоположностей, являющегося, как подчеркивал В. И. Ленин, ядром диалектики². Конкретное применение этого закона означает, что единство и борьба в том или ином конкретном противоречии имеют свои особенности. Противоречия различаются, в частности, по степени существенности, остроты взаимоотрицания сторон противоречия и т. д. В процессе саморазвития существенных противоречий, взаимодействующих с противоречиями менее существенными, второстепенными и подчиненными, осуществляется закономерная направленность качественных изменений, происходящих как в природе, так и в обществе и в мышлении, что, однако, вовсе не подчеркивает факта специфичности социальных противоречий. «Диалектика» Р. Арона, направленная против универсального характера наиболее общих законов материального мира и познания, исходит из неприменимости общего научного метода исследования диалектических противоречий к социальному развитию и в этом смысле из отрицания естественноисторического характера общественного развития.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 38—39.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

В основе «диалектики» индустриализма лежит реальное противоречие между современным уровнем научно-технического развития и существующими формами буржуазного сознания. Оно проявляется в «раздвоенности» буржуазного миропонимания, которое колеблется от необоснованного оптимизма, имеющего своим основанием неограниченные возможности научно-технического прогресса, до глубокого пессимизма и разочарования, порожденного социальными катаклизмами капиталистического общества¹. Дальнейшее развитие монополий, которые «широко используют достижения научно-технического прогресса для укрепления своих позиций, для повышения эффективности и темпов развития производства, для усиления эксплуатации трудящихся и их угнетения»², еще больше обостряет антиномии буржуазного сознания, которые в действительности отражают (хотя и не сводятся к нему) противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Р. Арон неправоммерно возводит антиномии буржуазного сознания в ранг основополагающих противоречий современной «индустриальной цивилизации». Разрешение этих антиномий он ищет в сфере сознания. Нивелировать антиномии в общественном сознании XX в. путем отказа от идеологий, от чрезмерных притязаний, связанных с уничтожением неравенства (экономического, политического), отчуждения, с объединением человечества и т. д., — в этом, по его мнению, ключ к решению коренных проблем современного мира. В сведении объективных противоречий, корнящихся в материальных условиях производства современного капитализма, к противоречиям чисто духовного порядка проявляется идеалистический характер «диалектики» индустриализма.

И наконец, объективное содержание различных исторических эпох, а следовательно, и основное противоречие

¹ Убедительным примером этого являются настроения трагизма, обреченности, пессимизма, которые пронизывают различные направления и школы современной французской буржуазной философии (см., например, *В. Н. Кузнецов*. Французская буржуазная философия XX века. М., 1970; *Г. А. Курсанов*. Ленинизм и кризис буржуазной философской мысли. М., 1971; *Л. Ф. Евменов*. Диалектика и революция (Критический очерк). Минск, 1969; *Л. Сэв*. Современная французская философия. Исторический очерк: от 1789 г. до наших дней. М., 1968).

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15.

того или иного исторического этапа можно понять, лишь выяснив, «движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»¹. Конкретно-исторический характер противоречия, определяющего диалектику определенного исторического периода, проявляется в том, какие классы действуют в данный момент на исторической арене, каково соотношение классовых сил. Напротив, основное противоречие «индустриального общества» определяется, по Р. Арону, только одним моментом, а именно — развитием техники, воплощающей рациональное начало вообще. Понятно, что вследствие этого исчезают (в социальной «диалектике» Р. Арона, но не в действительности!) не только коренные различия между социализмом и капитализмом, но и само содержание, направление современного этапа исторического развития.

В то же время классовый анализ современной эпохи выявляет ее главное существенное содержание, общую перспективу социального процесса, показывает, что «наша эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму»². Главным, основным противоречием современности является противоречие между мировыми социалистической и капиталистической системами. Именно это противоречие определяет собой все остальные, оказывая решающее воздействие на ход и направление реального исторического процесса, его диалектику.

Таким образом, «технологический детерминизм» Р. Арона, облеченный в форму «диалектики» пессимизма, направлен против подлинной диалектики общественного прогресса.

Эта направленность проявляется в том, что развитие науки и техники (сведенных к рациональности и оторванных от материального производства, практики) противопоставляется революционно-преобразующей деятельности трудящихся масс, борьба которых против эксплуататоров является основным содержанием и движущей силой исторического развития.

Мистифицируя диалектику, Р. Арон в первую очередь пытается скрыть тот факт, что решающее воздействие на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139—140.

² «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 9.

судьбы мира оказывает «великий союз трех основных революционных сил современности — социализма, международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов»¹.

Общественный прогресс² и несостоятельность теории «индустриального общества»

Как мы уже видели, теория «индустриального общества» отрицает понятие социального прогресса как якобы заключающее в себе телеологический принцип, т. е. заранее предопределенную цель, к которой движется человечество. Но так как, утверждает Р. Арон, человеческая история характеризуется лишь изменениями, которые носят неповторимый характер, по своей природе «плюралистичны», причем следствие этих изменений является непредвиденным, то всякое утверждение общей цели является несостоятельным. Понятию прогрессивного общественного развития Р. Арон противопоставляет такую историческую эволюцию, которая связана лишь с признанием исторических явлений, процессов, изменений, носящих неповторимый, непредвиденный характер, исключающих закономерность исторического развития, следовательно, и возможность социального предвидения.

Буржуазные теории общественного прогресса не в состоянии вскрыть его подлинную основу. Поэтому они действительно исходят из некой заранее предопределенной разумом цели, к которой и должна стремиться история.

Р. Арон неправомерно отождествляет различные эволюционистские теории прошлого с марксистско-ленинской теорией социального прогресса, вскрывшей материальные предпосылки коммунистического будущего всей пла-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 4.

² См., например, работы Г. Г. Асланяна, Г. Е. Глезермана, А. А. Макаровского, Х. Н. Момджяна, В. И. Мишина, Ю. Н. Семенова, П. Н. Федосеева и др.

неты. Критика Р. Арона как раз и направлена на то, чтобы противопоставить марксистскому научному предвидению бесплодную теорию «становления» единого индустриального общества. Рассмотрим содержание этой теории с точки зрения марксистского понимания общественного прогресса.

Как известно, подлинно научное понятие общественного прогресса было разработано марксизмом на основе материалистического понимания истории. Это понятие заключается в признании восходящего поступательного характера общественного развития, выражающегося в последовательной смене одних общественно-экономических формаций другими. В этом поступательном естественноисторическом развитии проявляется все большая степень овладения обществом как стихийными силами природы, так и стихийными общественными силами.

Марксистское понимание общественного прогресса впервые позволило с научной точностью констатировать различные периоды развития как отдельной общественно-экономической формации, так и истории в целом. Напротив, различные буржуазные теории общественного прогресса, возникшие в период восходящего развития буржуазных производственных отношений, объективно связывали прогресс лишь с развитием одной общественно-экономической формации — капиталистической. Подобное понимание прогресса содержало в себе ограниченность, которая впоследствии явилась одной из причин появления теорий, отрицающих саму идею о восходящем общественном развитии.

Общественный прогресс, с точки зрения буржуазных идеологов, наблюдавших глубочайшие революционные изменения во всех сферах социальной деятельности при переходе от феодального общества к буржуазному, был процессом, наглядно показывающим прогрессивность капиталистической общественно-экономической формации по отношению к предшествующей феодальной. Но когда оказалось, что история вовсе не завершается капитализмом, являющимся лишь одним из этапов всемирно-исторического развития, который должен неминуемо уступить место более прогрессивному общественному устройству, тогда идея прогресса, еще недавно пользовавшаяся всеобщим признанием, потеряла свою первоначальную привлекательность и стала предметом гонений. Подобная трансформация, происшедшая в недрах бур-

60

жуазного обществоведения, имеет своей основой реальный процесс, заключающийся в том, что капиталистическая - общественно-экономическая формация, исчерпав свои прогрессивные возможности, сама становится оплотом регресса, и ее адепты всеми возможными силами и средствами пытаются повернуть колесо истории вспять. Крах оптимистических, но метафизических, антиисторических надежд идеологов ранней буржуазии означал в первую очередь крах различных буржуазных теорий общественного прогресса.

К. Маркс и Ф. Энгельс, вскрыв закономерные тенденции исторического развития, с научной точностью констатировали грядущий переворот в экономических условиях производства и тем самым сделали гениальное предвидение, стоящее наряду с величайшими открытиями, когда-либо совершенными человеческим разумом, о неизбежной, закономерной смене капитализма социализмом.

Перед судом истории оказались несостоятельными все теории, стремящиеся опровергнуть марксистскую теорию общественного прогресса, которая, опираясь на действительные, материальные отношения прошлого и настоящего, с научной объективностью определила будущее человеческого общества, что наглядно подтверждается развитием мировой истории.

В современную эпоху, которая является эпохой перехода от капитализма к социализму, сосуществуют две основные общественно-экономические формации — социалистическая и капиталистическая. Граница между этими системами знаменует собой исторический водораздел между прошлым и будущим человечества. Эта граница не характеризуется ни статической неподвижностью, ни колеблющимся равновесием, как пытаются утверждать современные отрицатели социального прогресса. Напротив, в неуклонном изменении соотношения между этими системами, происходящем во всех сферах общественной деятельности современного мира, отчетливо проявляется ритм, направление и само содержание закономерного и восходящего развития истории. В постоянном росте сил мира, социализма и прогресса с неоспоримой очевидностью проявляется тот факт, что коммунистическое будущее нашей планеты — это не абстрактный идеал, взлелеянный беспочвенной фантазией, и не результат волюнтаристских

побуждений отдельной личности, партий или класса. Коммунизм — это объективное, закономерное направление развития мирового исторического процесса.

Признание закономерной необходимости прогресса в то же время вовсе не означает, что люди, наделенные сознанием и волей, являются лишь объектами истории, судьба которых заранее предрешена. Ф. Энгельс отбросил подобное фаталистическое понимание исторической необходимости, якобы господствующей над поступками людей, и показал, что «история» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»¹.

Раскрытие марксизмом подлинной сущности деятельного человека сыграло решающую роль в осознании пролетариатом своей революционно-исторической роли в качестве решающей преобразующей силы социального прогресса, что определило и определяет его стратегию и тактику в борьбе против всех сил старого мира.

Характеризуя принципиальное отличие классовой борьбы в капиталистическом обществе от классовой борьбы в предшествующих антагонистических обществах, Ф. Энгельс писал, что «теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...»². Историческая необходимость, определившая классовую борьбу пролетариата как борьбу в интересах всего общества, впервые сделала возможным, опираясь на все предшествующие достижения передовой общественной мысли, создать подлинно научную, универсальную теорию общественного прогресса, которая служит не узкоэгоистическому практицизму определенного эксплуататорского класса, а революционно-преобразующей практике, осуществляемой пролетариатом в интересах всего общества.

Само понятие социального прогресса, отражая необходимость общественного развития, является ареной ожесточенной идеологической борьбы. Буржуазная социология пытается противопоставить этому понятию новые по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 1—2.

форме теории общественного развития, в которых по существу используются различные антиисторические традиции-прошлого, отрицающие закономерный характер исторического процесса.

Теория становления «индустриального общества» Р. Арона как раз и направлена на то, чтобы переиначить революционный динамизм нашей эпохи в интересах апологии капитализма. В своей социальной теории Р. Арон исходит из «признания» права на существование социалистической системы в качестве «разновидности» «индустриального общества», второй разновидностью которого якобы является капитализм. Итак, не прогрессивное развитие человечества, содержание которого заключается в переходе от капитализма к социализму, а, напротив, сосуществование двух разновидностей, модальностей, одинаково обладающих как недостатками, так и достоинствами, в рамках единого социального типа, каковым, по мнению буржуазного социолога, является современная «техническая цивилизация». Само различие между этими модальностями, утверждает Р. Арон, не содержит в себе необходимости перехода «от низшего к высшему», а заключается в различном решении некоторых «фундаментальных проблем», одинаково стоящих перед каждым обществом¹.

Отрицая поступательное восходящее развитие общества, Р. Арон безрезультатно пытается доказать отсутствие необходимых закономерных связей между «состоянием производительных сил, производственными отношениями и суперструктурой (надстройкой. — В. Т.)»². Это положение Р. Арона лежит в основе отрицания понятия общественно-экономической формации, являющегося ключевым в марксистско-ленинской социальной теории. Защищая единственно правильный путь, ведущий к всестороннему объективному отображению социальной реальности, В. И. Ленин писал, что «сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»³.

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 48.

² Там же, стр. 30.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138.

Объективной типологии общественного развития, в основе которой лежат определенные производственные отношения, Р. Арон противопоставляет свою ложную «типологию» («предындустриальное», неразвитое в промышленном отношении общество и «индустриальное общество»), основным признаком которой является наличие или отсутствие развитой индустрии.

С точки зрения этой несостоятельной в научном отношении «типологии» как социалистические, так и капиталистические развитые страны противопоставляются слабо развитым странам и весь общественный прогресс сводится только к научно-техническому прогрессу.

Р. Арон не без основания остерегается безоговорочно отрицать те или иные марксистские положения. Свой антимарксизм он старательно стремится подкрепить якобы объективными выводами. Так, например, он готов даже признать за материалистическим подходом право быть наряду с другими методом познания социальной реальности. Р. Арон допускает, что можно начать анализ общества с рассмотрения производственных отношений, но само по себе это рассмотрение, спешит добавить он, не является обязательным для исследователя.

Критика буржуазного социолога направлена главным образом против марксистского положения о закономерном характере общественного развития, в котором проявляется историческая необходимость перехода человечества от капитализма к социализму.

Здесь же следует отметить, что общим для всех ниспровергателей марксизма, бесчисленное количество раз пытавшихся и поныне пытающихся доказать «бесплодность», «ненаучность», «догматизм» марксизма, является то, что во всех построениях подлинный марксизм подменяется их же собственными интерпретациями марксизма. Так, теория «индустриального общества», объясняя объективное содержание взаимодействия различных сторон общественного развития, вскрытое марксизмом в понятии общественно-экономической формации, придает ему откровенно механистический, вульгарный характер. Вся сложная общественная взаимосвязь, вскрытая марксизмом в подлинно научных понятиях и категориях, предстает в изложении Р. Арона как агрегатная совокупность, где каждый элемент системы существует сам по себе, не будучи связан с необходимостью суще-

ствования всей социальной системы, как раз и обуславливающей его.

Как мы видели, всю социальную теорию Р. Арона, стремящуюся объяснить содержание исторического процесса, пронизывает отрицание закономерного характера общественного развития. Но тем не менее понятие закона довольно часто используется Р. Ароном в его рассуждениях. Рассмотрим понятие закона, как оно фигурирует в теории «индустриального общества».

Как уже было сказано, материалистическое понимание истории неправомерно отождествляется Р. Ароном с экономической интерпретацией общественного развития, а сам вопрос об исторических закономерностях сводится к вопросу о соотношении экономической теории и исторического исследования¹. Экономические законы рассматриваются лишь как инструменты «понимания» социальной реальности. Исходя из позитивистских принципов, Р. Арон полагает, что невозможно создать подлинную, научную социальную теорию, охватывающую все общество, ибо это было бы недопустимой абстракцией, лишенной конкретного многообразия, присущего действительности. Экономические законы рассматриваются им лишь как абстракции, которые в зависимости от степени абстрагирования теряют конкретное многообразие. Задача исследователя и состоит в том, поучает Р. Арон, чтобы дифференцировать эти законы в соответствии со степенью их абстракции². Эта дифференциация позволит затем перейти от наиболее общих к частным абстракциям, что должно помочь выявить тенденции развития различных экономик.

Как видно, абстракция противопоставляется конкретному и на этой порочной методологической основе отрицается по существу объективное содержание научной абстракции, каковой является абстракция закона. На примере пустых абстракций «индустриального общества», которые не являются научным отражением объективной социальной реальности, Р. Арон пытается отрицать объективное содержание любой научной абстракции.

В. И. Ленин, подчеркивая роль и значение научных абстракций в познании, писал: «Мышление, восходя от

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 235.

² См. там же, стр. 236.

конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от истины*, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом, *все научные* (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины, познания объективной реальности*»¹.

Таким образом, научная абстракция позволяет в являющемся многообразии вскрыть существенное, т. е. проникнуть внутрь явления и за игрой случайностей вскрыть закономерность. Конечно, научная абстракция отвлекается от чувственного многообразия, но это вовсе не значит, что этим самым она теряет свою объективность. Наоборот, научная абстракция полнее отражает объективную необходимость. Р. Арон стремится своими рассуждениями поставить под сомнение само существование закономерного характера исторического развития. Требования к социологическому исследованию, которые предъявляет теория «индустриального общества», сводятся к тому, что это последнее должно быть эмпирическим и аналитическим². Практически это требование проистекает из того утверждения, что якобы наука имеет дело только с чувственными данными (социальными фактами), из которых непосредственно при помощи формально-логических принципов дедуцируется теория. Эта плоская схема познания, несомненно претерпевшая сильное влияние идей логического позитивизма, в лучшем случае топчется перед фактами, бессильная вскрыть суть общественного прогресса, так же как сделать научно обоснованное предвидение, касающееся дальнейшего социального развития.

Абстрактная ступень является неотделимым звеном человеческого познания и характеризует творческо-синтетическую деятельность познающего субъекта, выработку принципиально новых концепций, нового понятийного аппарата, т. е. все более совершенных средств теоретического восприятия социальной действительности, истинность которых определяется практикой. Эта важнейшая ступень познания сводится Р. Ароном на уровень бессо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

² R. Aron. Les désillusions du progrès, p. 6.

держательных абстрактных концепций, целью которых является лишь упорядочивание разрозненного социологического материала.

Непонимание действительной роли научной абстракции приводит Р. Арона к отрицанию закономерного характера исторического развития, возможности социального предвидения, к абсолютизации случайности в общественном развитии.

Отрицание закономерного характера общественного прогресса в социальной теории Р. Арона сопровождается утверждением о невозможности выделения основного, решающего критерия в общественном развитии. Теория «индустриального общества» сводит дело к многочисленным критериям, которые могут быть использованы не по отношению к обществу, взятому в целом, а лишь к отдельным сферам общественного развития.

Из этого, по Арону, также следует, что хотя отдельные виды человеческой деятельности и допускают свое истолкование с точки зрения понятия прогресса, но в целом невозможно якобы говорить о поступательном, восходящем характере общественного развития и в лучшем случае можно лишь констатировать общественные изменения.

Смысл и содержание прогресса вообще заключается, по мнению буржуазного социолога, в такой человеческой деятельности, которая характеризуется накоплением. Следовательно, о прогрессе можно утверждать лишь в отношении такой человеческой деятельности, которая свидетельствует, что «каждое поколение располагает бóльшим, чем предшествующее поколение, так как оно располагает тем, чем располагало последнее и сверх того еще тем, что оно смогло еще к этому добавить»¹. Этой деятельностью, которая может характеризоваться понятием «прогресс», и является научная деятельность², ибо она имеет такой характер, что невозможно не признать превосходства ее настоящего над прошлым и будущего над настоящим³. Эта деятельность характеризуется тем, что ее продукты накапливаются, а сами результаты носят количественный характер. Ста-

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 42.

² См. там же, стр. 43.

³ См. там же, стр. 42.

новление науки есть накопление знания¹. И наоборот, деятельностью, не соответствующей понятию прогресса, является художественная деятельность (искусство, религия и т. д.), ибо различные формы искусства, различные художественные творения не характеризуются по отношению друг к другу количественными характеристиками, связанными с накоплением, а располагаются рядом как самобытные творения, в чистом определенном различии².

Исходя из сказанного, Р. Арон делает вывод о существовании двух типов исторического становления. Первый характеризуется накоплением и соответствует становлению науки, а второй связан с существованием качественно отличных друг от друга объектов, несоизмеримых количественными отношениями, и соответствует развитию искусства, религии и т. д. Эти два идеальных типа «исторического становления» являются исходным пунктом такого представления об общественном развитии, согласно которому последнее не представляет единого в диалектической противоречивости процесса, а распадается на несколько линий развития, что наглядно проявляется в противопоставлении научно-технического и общественного прогресса, о чем шла речь выше.

В этой противоположности двух типов становления отчетливо проявляется методологический порок концепции прогресса Р. Арона. Ибо реальное различие законов развития науки и искусства вовсе не говорит о том, что развитие искусства находится где-то вне понятия общественного прогресса. Развитие искусства становится антиподом понятию прогресса на основании, которое лежит в порочном определении последнего как только количественного накопления. А между тем реальный исторический прогресс содержит в себе как качественную, так и количественную стороны, которые не есть противостоящие друг другу самостоятельные сущности, а находятся в диалектическом единстве как качественно определенное количество, т. е. мера. Так, например, развитие науки определяется не только количественным накоплением. Утверждать это — значит противоречить истории науки, которая как в прошлом, так и в настоя-

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 43.

² См. там же.

ищем характеризовалась качественными скачками, знаменующими революционные перевороты во взглядах на природу и общество. Подобные перевороты означали не только механическое прибавление к существующей сумме знаний очередной толики, но и пересмотр всей системы знаний, сопровождавшийся решительным отбрасыванием устаревших, ошибочных теорий, не выдержавших испытания практикой. Великолепным примером грандиозного скачка в науке является переворот, совершенный марксизмом во взглядах на общество. Рассматривать прогресс только как количественное накопление каких-либо признаков — это значит ограничить его рамками «дурной бесконечности», о которой говорил Гегель. Взаимодействие количественной и качественной сторон общественного развития отчетливо проявляется в развитии того или иного способа производства. Производительные силы и производственные отношения — две неразрывные стороны производственной деятельности людей, совокупность которых определяет качественную и количественную характеристику определенной формы жизнедеятельности индивидов.

Само понятие общественного прогресса, неоднократно утверждает Р. Арон, явилось результатом заблуждения, заключавшегося в том, что прогресс в области познания был неправомерно перенесен на общество в целом¹. Содержание теории развития Р. Арона составляет анализ соотношения между двумя типами «исторического становления», которые рассматриваются не с точки зрения единства, а метафизически противопоставляются друг другу. В рамках этой априорной схемы и решается вопрос о возможности прогресса в области техники, экономики и политической организации общества. Это как раз и есть три сферы общественной деятельности, несомнимые якобы с единым критерием общественного прогресса.

Какими же критериями характеризуется, по мысли Р. Арона, становление каждой из этих сфер?

К развитию техники, так же как и науки, применимо понятие прогресса. Хотя, как утверждается, накопление средств производства не носит такого непосредственного характера, как в науке, где отдельные научные понятия

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 44.

по мере прогрессивного развития знания объединяются во все более широкие теоретические системы; существует простое измерение технического прогресса, определяющееся тем, в какой степени человек способен использовать природные силы¹. В этом отношении и прогресс современного общества по сравнению с обществом прошлого несомненен. Итак, делается вывод, что научно-технический прогресс является очевидным фактом исторического развития.

Экономическое развитие, утверждает Р. Арон, коренным образом отличается от научно-технического прогресса. Это различие состоит в том, что если научно-техническая деятельность предполагает одну общую цель, заключающуюся, например, во все большем количестве получаемой энергии, то в экономической деятельности (в этом и состоит решающее отличие) невозможно определить однозначной цели². Для определения экономического прогресса можно использовать несколько критериев. Таковым, например, является количество ценностей, произведенных на каждого индивида, или возрастание коллективных ресурсов по отношению ко всему населению³. Но с точки зрения основной задачи экономики, продолжает Арон, которая заключается в том, чтобы обеспечить максимуму людей человеческие условия существования, ничто не доказывает, что по мере производства энергии на душу населения улучшаются условия труда, а по мере роста «коллективного богатства» распределение между индивидами становится все более справедливым⁴. Таким образом, экономическая деятельность в отличие от научно-технической деятельности отличается сложностью и поэтому допускает многочисленные критерии. Следовательно, нельзя быть уверенным в том, что рассмотрение одних аспектов экономического развития, в основу которого положен определенный критерий, соответствует остальным аспектам. Несмотря на то что внутри «экономического порядка» можно выделить «иерархию прогресса» в соответствии с целью, каковой является, например, возрастание

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 44.

² См. там же, стр. 46.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

«коллективных ресурсов на душу населения», тем не менее «это частичное суждение еще не позволяет оценивать общество в целом»¹. Понятие общественного прогресса по отношению к обществу, взятому в целом, утверждает Р. Арон, неправомерно потому, что «последствия различных этапов экономического становления таковы, что нужны многочисленные критерии для определения того, какие (экономические) организации являются желательными»².

Рассматривая различные политические организации общества, Р. Арон утверждает, что здесь еще труднее найти единый критерий и окончательную цель, к которой бы стремились все общества. Все это не позволяет применять к политическому развитию общества понятие прогресса.

В отличие от двух крайних типов «исторического становления» становление политической системы носит диалектический характер и не может быть сведено ни к научной деятельности, ни к художественной. Диалектика политического становления состоит в том, что различные «политические режимы» представляют собой различные ответы на одни и те же проблемы. И вследствие этого «переход от одного режима к другому является не переходом от зла к благу, а от одного решения к другому»³, причем как одно, так и другое содержат как определенные преимущества, так и определенные издержки⁴. Какие же цели преследует политическая власть и какие проблемы стоят перед ней?

Политическая деятельность рассматривается Р. Ароном как «теория или искусство», позволяющее обеспечить «существование и продолжительность организованных групп»⁵. Выше мы уже рассматривали взгляды Р. Арона на содержание политической власти, которую он сводит к абстрактным рассуждениям о «подчинении» вообще, тем самым выхолащивая классовое содержание любой политической структуры. Здесь же еще раз следует подчеркнуть порочность подобного лишнего кон-

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 46.

² Там же.

³ Там же, стр. 48.

⁴ См. там же.

⁵ Там же.

клетно-исторического содержания анализа, который теперь используется Ароном для «доказательства» какой-то несовместимости между понятием прогресса и развитием политической организации общества.

Проблемой, перед которой стоят все политические системы, является проблема согласования «иерархии власти», которая характеризует современные сложные общества, «с равенством человеческого достоинства»¹. Содержанием политической власти является стремление каждой политической системы согласовать извечное противоречие человеческого общества между желанием равенства и фактической иерархией. Это противоречие неразрешимо, и поэтому никакой политический режим не может быть признан «высшим» по отношению к другому, ибо каждый политический режим лишь частично решает вечную проблему².

Р. Арон отрицает, таким образом, возможность применения понятия прогресса к общественному развитию по той причине, что якобы невозможно выявить общий критерий этого развития. Необходимо по этому поводу отметить, что марксизм вскрыл материальную основу исторического прогресса, определил объективный, решающий критерий прогресса. Этот критерий лежит в материальных условиях общественной жизни, определяющей стороной которых является развитие производительных сил. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал мысль о том, что высшим критерием общественного прогресса является развитие производительных сил³. Более быстрым развитием производительных сил определяется в конечном счете превосходство одной общественно-экономической формации над другой. Коммунистическая общественно-экономическая формация уже на первой фазе превосходит капитализм в темпах развития производительных сил, что в дальнейшем обеспечит высший по сравнению с капитализмом уровень развития производительных сил и уровень производительности труда. Это приведет к всестороннему удовлетворению материальных и духовных потребностей человека.

¹ R. Aron. Le développement de la société industrielle et la stratification sociale, v. 1, p. 43.

² См. там же, стр. 51.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 220; т. 43, стр. 81.

Однако при рассмотрении содержания общественного прогресса не следует отрывать развитие производительных сил от определенных производственных отношений. В этом случае из факта, например, того, что в настоящее время уровень развития производительных сил социалистических стран пока еще уступает уровню развития США, можно сделать в корне неверные выводы.

При оценке прогрессивности или регрессивности того или иного общественного строя необходимо не просто сравнение различных уровней развития производительных сил, но выявление тенденций, динамики их развития в рамках определенных производственных отношений.

Социалистические производственные отношения несут с собой уничтожение антагонистического характера общественного прогресса и обеспечивают все большее овладение природной средой, освобождение от социального неравенства, всестороннее развитие творческих способностей человека.

Буржуазные социологи, и в том числе Р. Арон, отрывают развитие техники от социальных последствий этого развития. Подобный подход допускает различные мистификации, искажающие сущность общественного прогресса.

Этот отрыв, в частности, приводит к тому, что Р. Арон, как это видно, признает прогресс только в научно-технической области и отрицает его в экономике и политике. Поэтому, утверждает буржуазный социолог, невозможно определить преимущества одних экономических и политических систем (имеется в виду социализм и капитализм) перед другими. Каждая из этих систем якобы заключает в себе как отрицательные, так и положительные стороны. Нельзя не заметить, что подобная логика позволяет оправдать любые, даже наиболее реакционные формы проявления политической и экономической сущности капитализма, одной из которых, например, является фашистское государство.

Конечно, вывод о несовместимости современного капиталистического общества и прогресса имеет реальное основание, которое проявляется в экономических и социальных потрясениях «индустриальной цивилизации», т. е. капитализма. Но Р. Арон на этом же основании пытается отрицать саму возможность применения понятия прогресса к общественному развитию вообще.

Теория становления «индустриального общества» направлена на то, чтобы противопоставить марксистской теории общественного прогресса, содержанием которого в настоящее время является переход от капитализма к социализму, теорию различных сосуществующих, равноправных модальностей, разновидностей «современной технической цивилизации», смысл которой сводится к отрицанию социализма как высшей ступени на пути общественного развития по отношению к капитализму. Причем возникновение различных модальностей «индустриального общества» (под которыми подразумевается социализм и капитализм) не связано с общественной необходимостью, закономерностью, а является в конечном счете результатом случайностей, непредвиденных воздействий многих факторов.

Отрывая научно-технический прогресс от конкретных условий его проявления, т. е. от определенной системы производственных отношений, характеризующих определенный способ производства, сводя социально-политические проблемы к рассмотрению абстрактных, лишенных конкретного классового содержания схем взаимоотношения между равенством и неравенством, властью и подчинением, конфликтами и соглашениями и т. д., Р. Арон стремится стереть коренные общественно-экономические различия между социализмом и капитализмом. А ведь именно в этих различиях особенно наглядно проявляются преимущества социализма как высшей социальной организации по сравнению с капитализмом.

* * *

Практика показала, что капитализм не в состоянии решить коренные проблемы, стоящие перед обществом. Пытаясь сохранить свое господство, он становится на пути общественного прогресса, стремится, используя различные экономические, политические, идеологические средства, повернуть вспять или хотя бы приостановить, замедлить поступательное, восходящее движение человечества к бесклассовому коммунистическому обществу. Но история уже доказала неотвратимость исчезновения старых, изживших себя форм общественной организации и замены их новыми, являющими собой более высокую степень общественного развития.

Неуклонный рост сил мирового социализма, успешно решающего коренные проблемы современности, отвечающие интересам трудящихся всех стран и континентов, — яркое свидетельство того, что социализм, представляющий более высокую ступень исторического развития, которая открывает безграничные возможности общественного прогресса, неизбежно идет на смену капитализму. Такова подлинная диалектика общественного прогресса в современную эпоху.

Заключение

Социальная теория Р. Арона принадлежит к одному из направлений современной буржуазной социологии, основанному на концепции «технологического детерминизма».

Предлагая свою идеалистическую концепцию исторического развития, Р. Арон отрицает как идею материализма в социологии, так и закономерный, естественно-исторический характер общественного развития. Материалистическому пониманию истории противопоставляется многофакторный подход к социальным явлениям, а также релятивизм, агностицизм, выступающие в форме теоретического плюрализма.

Р. Арон кладет принцип «технологического детерминизма» в основу целой системы понятий, концепций, постулатов, заимствованных как из различных откровенно идеалистических, так и из позитивистских направлений буржуазной социологии. В целом эта концептуальная система служит апологии капитализма. Она искажает социальные последствия научно-технической революции, которые во все большей степени свидетельствуют об исторической необходимости замены капиталистических производственных отношений социалистическими.

Концепция «технологического детерминизма» призвана в первую очередь противопоставить революционно-преобразующей деятельности трудящихся масс развитие науки и техники, которое чуть ли не автоматически решает все проблемы современного капиталистического общества. В соответствии с этим утверждается, что научно-техническое развитие ведет будто бы к «стиранию»

классовых границ, «затуханию» классовой борьбы как внутри капиталистических государств, так и на международной арене, к «взаимопризнанию» идеологий.

Эти основные выводы социальной теории Р. Арона призваны обосновать ложное, отвергаемое всей практикой мирового революционного процесса положение о том, что социализм и капитализм являются не различными общественно-экономическими формациями, а лишь модальностями, разновидностями «индустриального общества». Причем существование этих модальностей обусловлено якобы различными идеологиями, воплощающими в себе альтернативные решения социально-экономических проблем, которые стоят перед «индустриальной цивилизацией». Эти решения, утверждает Р. Арон, воплощенные в социально-политических системах (под которыми разумеются социализм и капитализм), лишь частично отражают истину, что якобы лишает смысла всякие утверждения, касающиеся превосходства одной системы над другой, т. е. социализма над капитализмом.

В действительности социализм и капитализм представляют собой две общественно-экономические формации: отживающую — капиталистическую и новую, характеризующую высшую ступень общественного прогресса, — коммунистическую. Социализм и капитализм не являются какими-то абстрактными разновидностями «индустриального общества». Их сосуществование связано с исторически определенной переходной эпохой, когда наряду с социализмом в течение некоторого времени будет существовать и капитализм, являющийся тормозом общественного развития¹.

Основное внимание социальной теории Р. Арона сосредоточено на анализе современного этапа исторического развития. Поэтому различные вопросы исторического, философского, социологического планов рассматриваются им через призму общественно-политических проблем современности (таких, как уничтожение социального неравенства, вопросы войны и мира, положение человека в современном мире и т. д.), тесно связанных с решением кардинального вопроса о судьбах человечества, его исторических перспективах. Но, отрицая социа-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 133.

лизм как высшую ступень исторического развития по сравнению с капитализмом, Р. Арон приходит к отрицанию общественного прогресса вообще. Это заводит его теорию в тупик. Она не видит дальнейших путей общественного развития, бессильна вскрыть подлинные тенденции современной истории. Согласно Р. Арону, человечество не может достоверно предвидеть грядущее и обречено вслепую, на ощупь двигаться к будущему. Социологии же отводится участь лишь констатировать различные общественные изменения, непредвиденно возникающие под воздействием многих не поддающихся учету факторов.

В рамках «технологического детерминизма» Р. Арон признает закономерные тенденции развития отдельных сторон социального целого (например, экономика, политика, идеология и т. д.), но в то же время он отрицает какую-либо необходимость исторического развития, взятого в целом. Причем, сводя общественную необходимость к детерминизму механистического типа, Р. Арон противопоставляет ей (общественной необходимости) вероятностный характер истории, якобы исключаящей саму возможность какого-либо закона. В целом историческое развитие, по Р. Арону, разворачивается вне какой-либо закономерности. Вследствие этого, утверждает Р. Арон, хотя научно-техническое развитие и определяет некоторые тенденции общественной эволюции (в этом и заключается «технологический детерминизм»), но в общем история носит непредвиденный характер.

В отрицании возможности социального предвидения проявляется теоретическая несостоятельность концепции «технологического детерминизма». Предвидение же, составляя неотъемлемую часть подлинно научной социальной теории, дает возможность на практике убедиться в ее истинности и объективности. Так, гениальное социальное предвидение Маркса — Энгельса — Ленина, воплотившееся в многогранной действительности современного мирового социализма, — лучшее подтверждение подлинной научности марксистско-ленинской социальной теории.

Антинаучная теория «технологического детерминизма» Р. Арона, отрицая возможность предвидения, тем не менее представляет собой скрытое прорицание незыблемости капиталистических производственных отношений, а следовательно, она содержит в себе неразрешимое

противоречие между спекулятивно-апологетическими принципами и реальной практикой мирового революционного процесса, которая наглядно свидетельствует о том, что *«империализм бессилён вернуть утраченную им историческую инициативу, повернуть вспять развитие современного мира. Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы»*¹.

¹ «Международное Собрание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969», стр. 11.

Содержание

Введение .	3
«Технологический детерминизм» и «диалектика» пессимизма .	7
«Технологический детерминизм» — основа ложной теории социальной стратификации .	21
«Равновесие страха» или мирное сосуществование?	43
Общественный прогресс и несостоятельность теории «индустриального общества»	59
Заключение	75

Трофимов, Владимир Прохорович

**«Технологический детерминизм»
и общественный прогресс**

Редактор Н. А. Баранова

Младший редактор В. Е. Белостоцкая

Оформление художника С. В. Юкина

Художественный редактор М. Н. Сергеева

Технический редактор О. А. Барабанова

Корректор А. И. Зотова

Сдано в набор 2 февраля 1972 г. Подписано в печать 1 марта 1972 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 4,2. Учетно-издательских листов 4,37. Тираж 7500 экз. А 04939. Цена 27 коп. Заказ № 234.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 32 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Цветной бульвар, 26.